

ХРАНИТЕЛЬ ОЧАРОВАННЫХ КОМНАТ

ЧАРЛИ ХОЛЬМБЕРГ

ДОМ, НАСЕЛЕННЫЙ ПРИЗРАКАМИ
И ОБЛАДАЮЩИЙ ДУРНЫМ ХАРАКТЕРОМ...

Уимбрел Хаус

Чарли Хольмберг

Хранитель очарованных комнат

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Хольмберг Ч.

Хранитель очарованных комнат / Ч. Хольмберг — «Эксмо»,
2022 — (Уимбрел Хаус)

ISBN 978-5-04-197650-7

Род-Айленд, 1846 год. Одинокий писатель Мерритт Фернсби получает в наследство отдаленное имение. Хотя в нем никто не жил больше века, мужчина готов назвать его своим домом, пока вдруг не осознает, что у него нет выбора. Захлопнув и заперев за ним двери, Уимбрел Хаус не собирается отпускать Мерритта. Никогда. Хюльда Ларкин из Бостонского Института Хранителей Очарованных Комнат обучена приручать подобные строения, чтобы сберечь их историческое и магическое значение. Она знает, какие опасности могут таить зачарованные дома, подверженные приступам ярости. Хюльда уверяет Мерритта, что в его интересах сделать Уимбрел Хаус их союзником. Чтобы этого достичь, ей тоже придется переехать в дом. Несмотря на хорошую подготовку, большой арсенал магических предметов и обученный персонал, работа оказывается невероятно сложной. По мере расследования Хюльда сближается с Мерриттом, но секреты дома оказываются глубже, чем они предполагали. К тому же разумные стены – не единственная их забота. Что-то снаружи следует за чарами Уимбрел Хауса, и оно может оказаться куда опаснее того, что таится внутри.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-197650-7

© Хольмберг Ч., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Магические доктрины	9
Пролог	11
Глава 1	14
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	34
Глава 5	39
Глава 6	41
Глава 7	49
Глава 8	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Чарли Хольмберг

Хранитель очарованных комнат

*Джеффу Уилеру.
Спасибо тебе за помощь, за харизму, за возможности и за то, что
позволяешь раз в неделю побыть примадонной*

Charlie N. Holmberg
Keeper of Enchanted Rooms
Copyright © 2022 by Charlie N. Holmberg
All rights reserved.

© Кузьменко Е., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Магические доктрины

Провидение * Прорицание, гадание, предсказание, удача

Последствия: забывчивость

Сопутствующий минерал: аметист

Психометрия * Чтение мыслей, галлюцинации, эмпатия, интуиция

Последствия: притупление чувств

Сопутствующий минерал: азурит

Заклинательство * Творение, призыв природных компонентов

Последствия: утрата, равноценная призванному

Сопутствующий минерал: пирит

Некромантия * Магия жизни и смерти, жизненная сила, болезнь и исцеление

Последствия: тошнота

Сопутствующий минерал: бирюза

Охранные чары * Ограждение, защита, отражение заклятий

Последствия: ослабление физического тела

Сопутствующий минерал: турмалин

Стихии * Манипуляции с огнем, водой, землей и воздухом

Последствия: огонь – жар, озноб, вода – сухость, земля – головокружение, воздух – нехватка дыхания

Сопутствующий минерал: прозрачный кварц

Изменение * Смена обличия, трансформации, метаморфозы

Последствия: временная физическая мутация

Сопутствующий минерал: опал

Общение * Перевод, коммуникация с растениями и животными

Последствия: немота, звон в ушах

Сопутствующий минерал: селенит

Истерия * Манипуляции с эмоциями, болью

Последствия: физическая боль, апатия

Сопутствующий минерал: сердолик

Кинез * Движение, сила

Последствия: ригидность, потеря подвижности

Сопутствующий минерал: гелиотроп

Хаократия * Манипуляции с хаосом и порядком, разрушение, восстановление

Последствия: замешательство

Сопутствующий минерал: обсидиан

Пролог

17 мая 1818, Лондон, Англия

Сайлас взял щетку и начал водить ею по шкуре Мэрибелл, пусть даже конюхи ее уже почистили. Было поздно, солнце давно село, и большинство слуг отправились спать. Но Сайлас любил бывать в конюшнях. Он привык к этому запаху. Было что-то умиротворяющее в животных, которые стояли и без единой жалобы терпели свои тесные клетушки. Совсем как он.

Лошадь в соседнем стойле ткнулась носом в его затылок, согревая дыханием шею. Улыбнувшись, Сайлас потянулся назад и погладил шелковистую морду. «К тебе следующей подойду». Он провел щеткой с короткой щетиной по боку Мэрибелл. Вдохнул запахи лошадей и сена. Расслабился настолько, насколько позволяло его юное тело. В некоторых окнах дома еще виднелись огни; ему подумалось, что мать сейчас, вероятно, накручивает волосы на папилютки.¹ Ему тоже пора домой. Новый учитель арифметики прибудет ранним утром, чтобы подготовить его к Оксфорду или, может, Кембриджу.

Сайлас услышал стук копыт еще одной лошади, а уже потом разобрал неровные шаги человека, который ее вел. Его нутро сжалось. Юноша взглянул в дальнюю часть стойла Мэрибелл. Места достаточно, чтобы присесть и спрятаться, но, если его найдут, сбежать уже не выйдет. Вместо этого Сайлас отложил щетку и тихонько открыл дверь стойла, надеясь прокрасться к другому выходу и попасть в дом через дверь для прислуги.

Ему почти удалось скрыться в тени, когда раздался голос отца:

– Кто здесь?

Юношу передернуло, когда он услышал, что язык отца заплетался. Тот был пьян. Но если Сайлас продолжит идти, отец может принять его за одного из конюхов...

– Сайлас! – рявкнул тот.

Обернувшегося юношу охватил ужас.

– Помочь тебе с лошастью? – В его крови была толика удачи, унаследованная от бабушки. Сайлас молился, чтобы сейчас она не подвела.

Отец держал лошадь за уздечку, казалось, лишь это сейчас не дает ему упасть. В руке у него была бутылка, а щеки обвисли, будто он состарился лет на десять. Отец никогда не бывал настолько пьян. Сайлас не знал, хорошо это или плохо.

Не сводя с него глаз, отец согнул палец. Засов на ближайшем пустом стойле щелкнул, и дверь распахнулась. Сайлас не мог упрекнуть отца за использование магии: в его состоянии так, пожалуй, было проще, чем самому вернуть лошадь в стойло.

Но отец не завел ее внутрь. Невидимая рука толкнула Сайласа в спину, и он оказался достаточно близко, чтобы ощутить запах виски, что поднимался над отцом, как туман над морем. А когда та же рука затолкала юношу в стойло, все до единого нервы Сайласа вспыхнули, кровь быстрее побежала по венам, а кожа стала горячеей.

– Д-давай я отведу тебя в постель, – сказал он.

Отец шагнул в стойло и закрыл дверь, тяжело облокотившись на нее, потому что ноги онемели из-за применения магии.

– Меня отпустили, – прогремел он. – Они отпустили меня, – он хохотнул, – за пьяное поведение.

¹ Небольшой жгут ткани или бумаги, который до появления бигуди использовали для завивки волос.

Сайлас посмотрел на улицу, молясь, чтобы слуга, мать, брат, да хоть кто-нибудь прошел мимо.

– Кто тебя отпустил?

– Королевская лига.

Желудок Сайласа сжался.

– Тебя выгнали? – Неудивительно, что отец был настолько пьян. Оба родителя Сайласа являлись членами Королевской лиги магов. Можно сказать, их с детства к этому готовили.

О нет. Это для него добром не кончится. Сайлас поднял руки, выставив ладони, будто пытался усмирить бешеного пса:

– Давай найдем тебе чего-нибудь поесть...

Отец швырнул бутылку. Она врезалась Сайласу в плечо. Заклинание – то же самое, что отец использовал, дабы затолкать его сюда, – горело в крови Сайласа, молило, чтобы он его выпустил, но юноша не стал. Отец всегда злился еще пуще, если он использовал магию. Отец ненавидел тот факт, что магия Сайласа сильнее, чем его, благодаря материнской родословной.

Сайлас не защищался, когда получил первый удар кулаком, не стал отражать и второй. Это уже было привычкой для них обоих. Все кончалось быстрее, если Сайлас терпел. Еще удар, еще один... В любую секунду отец остановится, и юноша прокрадется в дом, найдет, что приложить к синякам...

Пинок в ребра сломал кость и выбил воздух из легких.

Его самая слабая магия – удача – сегодня ему изменила.

Сайлас врезался в заднюю стену. *Это неправильно.* Отец никогда прежде не ломал ему костей, и...

Мир закружился. Удар в голову. Сайлас не помнил, как упал на колени. По черепу волнами расходилась боль. Он ударил бутылкой или кинетическим импульсом?

– Отец... – начал было он, но кулак врезался в уголок рта, распоров щеку о зубы. Сайлас не смог сдержаться и прикрыл голову. Он был вынужден.

– Думаешь, ты лучше меня? – разъярился отец, впечатав ботинок в бедро Сайласа. – Думаешь, можешь занять мое место?

– Нет! – выкрикнул Сайлас, пока вверх по его позвоночнику растекался огонь. Отец покачнулся, но выпустил кинетический импульс, который должен был разорвать Сайласа. Кровь полилась с губ. Звезды заплясали под веками. Что-то хрустнуло и заныло.

Раньше отец никогда не причинял ему такой боли. Никогда.

– Пожалуйста! – взмолился Сайлас.

Второй магический удар вызвал приступ рвоты. Едкая желчь запятнала его рубашку.

Я сейчас умру. Я сейчас умру.

– Я тебе покажу...

Кровь Сайласа раскалилась добела.

Кинез вырвался из его тела и впечатал отца в дверь стойла. Снес ее с петель. Заставил мужчину вместе с дверью прокатиться по ухоженному газону. Лошади ржали и вставали на дыбы в своих стойлах, пока окровавленные пальцы Сайласа искали опору. Его суставы охватила судорога из-за использования магии, но он напряг руки, щелкнув костяшками, и попытался встать. Тяжело дыша, он поднял голову и посмотрел наружу через завесу спутанных, потных волос.

Его отец не шевелился.

Хромая, прижимая руки к животу, Сайлас сокращал расстояние между ними, скованность мышц постепенно отступала. Грудь отца еще вздымалась. Его дыхание было очень громким в ночной тишине. Неужели никто их не слышал? Или слуги просто не хотели слышать, зная, что никак не смогут помешать хозяину дома? Они ни разу не вступились за Сайласа или его брата.

Пальцы отца ухватили пучок травы, когда он поднял голову и нашел взглядом Сайласа.
– Я... убью... тебя...

Невидимая рука сжала горло юноши.

Он даже не успел подумать. Если бы успел, может, и смог бы выдавить из себя заклинание. Может, смог бы усыпить отца и прожить еще один день в его тени. Но он не успел.

Некромантия досталась ему от матери. Она сейчас очень хотела служить ему, пробраться под кожу пьяного отца и смешаться с его душой. Высасывать из него силу, пока кинетическое заклятье не разрушится и его голова снова не упадет на землю. Но другие виды магии ревновали, и все они понеслись вдоль этой дорожки, смешиваясь с первой, протягивая невидимые нити между отцом и сыном...

Сайлас очнулся, лежа лицом на траве. Ребра ныли при каждом вдохе. Левая сторона тела, куда попали кинетические удары, горела и пульсировала из-за новых синяков. Во рту был привкус железа. Волосы слиплись от запекшейся крови.

Лежа рядом с ним, отец все еще дышал, будто погруженный в глубочайший сон.

Но, несмотря на травмы и страдания, что опутывали его тело и выворачивали кости, Сайлас чувствовал себя... другим. Он чувствовал себя... сильным, как ни странно. Не в физическом смысле, а в метафизическом. Его магия ощущалась как тысяча ярких свечей, горящих в нем. Как будто она... выросла.

Сайлас всмотрелся в лицо отца. Его медленное дыхание все еще воняло спиртным.

Используя фантомную руку, которая не была его частью физически, Сайлас позволил пальцам сжаться на трахее отца. *Больше никогда.*

Дыхание остановилось.

Ощущение силы тут же пропало. Так внезапно, что Сайлас на миг забыл, как дышать, потеряв его. Он уставился на труп своего отца. Он что, забрал его? Но он ведь не мог... Или мог?

Одно Сайлас сознавал точно, пока осторожно, сустав за суставом, снова распрямлялся и вставал на ноги.

Никто больше не будет иметь над ним власти. Никогда.

Глава 1

4 сентября 1846, Балтимор, Мэриленд

Оглашение завещания было бы куда более увлекательным, если бы его не вычеркнули оттуда тринадцатью годами ранее. На самом деле Мерритт Фернсби не вполне понимал, зачем поверенный вообще с ним связался?

Разумеется, писатель прибыл отдельно от своей семьи. Он не общался с ними десять лет. Ему не позволяли. Вначале были письма, все от него – старт его писательской карьеры, в некотором меланхоличном смысле, но меланхолия всегда отлично годилась для литературы. Изнеженность и довольство редко порождали хорошие истории. И пусть ему в прошлом году исполнился уже тридцать один год, собственной семьи он пока не создал – по различным причинам, о которых он мог бы подумать, но никогда не утруждался этим.

Поэтому он был весьма заинтригован, получив телеграмму от мистера Аллена, который был юристом по недвижимости бабки Мерритта по материнской линии. Заинтересованный и сбитый с толку, писатель прибыл в Балтимор, дабы утолить свое любопытство. По крайней мере, это все могло бы стать основой для статейки или, может, пригодится в его текущем труде.

– Я перейду к делу, мистер Фернсби. – Мистер Аллен небрежно облокотился на свой стол, держа бумаги в руке. Казалось, он нависает над Мерриттом и потертым креслом, в котором тот сидел, как стервятник, почуявший свежий труп, и это была довольно жесткая метафора, учитывая, что до сих пор мистер Аллен был исключительно вежлив и профессионален.

Мерритт задумался, а приглашали ли его родителей с сестрами в этот же самый кабинет, или мистер Аллен лично ездил в Нью-Йорк, чтобы огласить им завещание? Если честно – а Мерритт терпеть не мог быть честным, даже с самим собой, – он надеялся, что они будут здесь. Смерть зачастую спланивала людей, и...

Он с трудом сглотнул, задержав язык у самого горла, пока знакомое чувство разочарования горело в его животе.

Он добавил в свои мысли объективность. Может, они все приезжали в Балтимор, чтобы проститься с бабушкой еще до того, как она скончалась. Но, опять же, в детстве Мерритт видел ее в лучшем случае раз в год и как-то не мог припомнить, были ли чувства между ней и матерью теплыми.

Ему было интересно, как сейчас выглядела мать. Появились ли у нее морщинки в уголках глаз? Сменила ли она прическу, начали ли сесть ее волосы? Может, она набрала вес или похудела? Поморщившись, Мерритт оборвал свое воображение: чем больше он думал, тем меньше мог вспомнить.

Он понял, что мистер Аллен все еще говорит.

– ...не были включены в остальное, – произнес он, – но дополнение было составлено уже довольно давно.

Мерритт сложил два и два.

– Насколько давно?

Тот сверился с бумагами:

– Около двадцати пяти лет назад.

Значит, еще до отречения. Интересно, бабушка просто забыла его вычеркнуть? Но, опять же, из семьи его вышвырнул отец. Может, бабушка пусть никогда и не пыталась с ним связаться, но все еще за него переживала. Мерритт предпочитал такое объяснение любому другому. Конечно же, существовала и третья вероятность: чувство вины не позволило ей вычеркнуть его имя.

– Моему внуку Мерритту Фернсби я оставляю Уимбрел Хаус со всем движимым имуществом, а также землю, на которой он стоит.

Мерритт выпрямился в своем кресле:

– Уимбрел Хаус?

Когда мистер Аллен замешкался с ответом, он добавил:

– Точно?

Мистер Аллен кивнул.

Мерритт не знал наверняка, чего ожидал, но название сбило его с толку.

– Никогда о нем не слышал. Это настоящий дом?

– Не думаю, что поддельные дома можно передавать по наследству. – Мистер Аллен положил бумаги на стол. – Я лично проверял документы, все в полном порядке.

– Откуда у бабушки еще один дом?

Мистер Аллен отклонился назад и открыл ящик стола. Он немного порылся в нем, а затем вынул большой конверт. Достав из него еще одну стопку документов, он сказал:

– Собственность перешла к Николсам уже довольно давно. А прежде... Похоже, там уже очень давно никто не жил.

– Очень давно – это сколько?

Он перевернул страницу.

– Последний зарегистрированный жилец был в 1737-м.

Мерритт моргнул. Это же больше века назад.

– Оно и понятно, – продолжал мистер Аллен. – Место довольно удаленное, на острове Блаугдон, в заливе Наррагансетт.

Он поднял взгляд:

– Это в Род-Айленде.

Значит, болото.

– Я в курсе.

Дом, заброшенный на сотню лет посреди заболоченного острова... Он, наверное, в ужасном состоянии.

– Добираться туда и обратно будет непросто. Если только у вас, конечно, нет зачарованного водного транспорта.

Мерритт покачал головой:

– К счастью, мне не нужно будет часто ездить в город. – Хоть он и сделал себе имя в журналистике, Мерритт недавно продал свой второй роман издателю – первый добился умеренного успеха, – а писать романы можно где угодно, лишь бы были чернила и бумага.

Он потер подбородок, отметив, что утром забыл побриться. Живя самостоятельно с восемнадцати лет, он научился укладывать черепицу, менять половицы, смазывать петли и всякое такое. Впереди у него много работы, но привести дом в порядок он сможет.

Будет славно жить одному и не платить за аренду. И наконец отделаться от Кульдвеллов.

Мистер Кульдвелл был арендодателем Мерритта. Это был стареющий лось, а не мужчина, ужасный даже в свои лучшие дни. И хотя Мерритт всегда вовремя вносил арендную плату, внук этого человека недавно приехал в город учиться. Разумеется, Кульдвелл хотел поселить его у себя вместо Мерритта. Когда Мерритт отказался съезжать в обмен на возврат месячной платы, Кульдвелл прямо ему заявил, что в октябре контракт не продлит. И Мерритт, разумеется, оказался в сложном положении.

К тому же жена Кульдвелла все время совала нос не в свое дело и пахла брокколи.

Так что два главных вопроса звучали так: в насколько плохом состоянии Уимбрел Хаус и не все ли равно, в общем-то, было Мерритту?

– Я... должен, наверное, озвучить еще кое-что, что здесь указано. – Мистер Аллен скривил рот, словно от отвращения. Между его бровей пролегла глубокая складка.

– Да?

Он пожал плечами:

– Я человек не суеверный, мистер Фернсби, но здесь указано, что предыдущий жилец заявлял, будто в доме привидения.

Мерритт рассмеялся.

– Привидения? Это же Род-Айленд, а не Германия.

– Согласен. – Хотя магия, конечно, *могла* укорениться в неодушевленных предметах, это явление стало настолько редким – особенно в таком новом месте, как Штаты, – что заявление казалось невероятным. – Но, с привидениями или нет, этот подарочек ваш.

Мерритт переплел пальцы рук.

– И насколько велик подарочек?

Мистер Аллен сверился с бумагами:

– Похоже, весь остров. Примерно восемнадцать акров.

– Восемнадцать, – выдохнул Мерритт.

– Вот только болота...

– Да, да, – он отмахнулся. – Но разве Джеймстаун не на болотах строили? Народ всегда множится и расширяется. Если дом не спасти, так есть земля. Смогу ее продать.

– Сможете, если найдете подходящего покупателя. – Мистер Аллен не скрывал скепсиса, вручая ему бумаги. – Поздравляю, мистер Фернсби. Вы теперь домовладелец.

* * *

Несмотря на все возрастающее любопытство, Мерритт не потратил лишние деньги на кинетический трамвай до Род-Айленда – он поехал на поезде, дилижансе, а затем на лодке. К тому времени, как он пересек добрую половину залива Наррагансетт и добрался до острова Блаугдон, он понял, почему здесь никто не хотел жить. Это место было ужасно далеко от цивилизации. Было что-то неудобное и вместе с тем невероятно притягательное в том, насколько далеко оно находилось.

Потому что, когда нанятая им лодка высадила Мерритта с его единственной сумкой, он услышал нечто прекрасное.

Тишину.

Стоит отметить, что Мерритт не возражал против шума. Он вырос в довольно крупном поселении и более десяти лет жил в бурлящем жизнью городе. К шуму он привык. Он был ему знаком. Но единственное время, когда города затихают, – это сильный снегопад. Поэтому было так странно, что здесь одновременно тихо и тепло. Было что-то в этой тиши, заставляющее Мерритта осознать, что он совершенно один – на острове, на который нога человека не ступала годами. Даже целый век. Но это его не тревожило, почти нисколько. В конце концов, Мерритт уже долгое время был один.

Птичий крик на миг разорвал тишину, объявив остальным о прибытии Мерритта. Прикрыв рукой глаза от солнца, он вроде бы различил цаплю в высокой траве между деревьями. Листья на вязах и дубах, растущих вокруг, еще не поменяли окраску, но определенно подумывали об этом. А сразу за ними вырисовывалась какая-то тень – скорее всего, дом. Он направился к нему, и цапля взлетела, вытянув назад длинные ноги.

Земля под ботинками была влажной, местная растительность – дикой и нетронутой. Он кое-что распознал: плакучую вишню, золотую астру, осеннюю оливу. Ему почудился запах хризантем, от которого тут же расправились плечи. Мерритт и не сознавал, насколько они напряжены. Присев на корточки, он растер комок земли между пальцами. Почва казалась плодородной; если он сейчас разобьет огородик, то сможет вытянуть из него немного чеснока, лука и моркови, пока не ударят морозы.

Кролик с пушистым хвостом выскочил прямо ему под ноги и тут же метнулся в сторону – придется скосить часть этой травы, – и стайка ласточек следила за ним со скользкого вяза. Дом вырос в размерах, достаточно, чтобы можно было различить цвет – это что, синяя крыша? Синяя черепица стала неожиданностью, если учесть возраст дома. Цвета обычно выгорают со временем. Ну и к тому же большинство крыш на заре Штатов были соломенные.

Дом вырос уже до двух этажей, и его стены оказались желтыми. Мерритт ускорил шаг, спугнув пьющую птицу – кроншнепа – от лужи. Он почти ожидал, что дом будет заваливаться на один бок, что между износившимися от непогоды досками возникнут щели, в которых найдут приют целые семейства мышей. Потому он и взял лишь одну сумку. Он не собирался оставаться насовсем – это был ознакомительный визит.

Мерритт подошел к дому с севера; тот смотрел на восток. Когда он обогнул его и вышел к крыльцу, его рот открылся, а ветер с запахом моря отбросил волосы назад.

Дом был... в порядке.

Он был в полном порядке. В фантастическом состоянии, по крайней мере, снаружи. Никаких следов износа, никаких пропавших черепиц, никаких разбитых окон. Природа вокруг него была дикой, но уж наверняка кто-то жил здесь, раз дом в таком нетронутом виде. Он мог бы показаться совершенно новым, хотя стиль был определенно колониальный.

– Чтоб меня... – произнес Мерритт и присвистнул, что показалось ему сейчас уместным. Он прищурился, глядя на окна, но ничего толком не смог разглядеть внутри. Поэтому со

странным чувством он приблизился ко входной двери и постучал. Он не знал, что и думать, когда никто не ответил. А он ожидал, что кто-то ему откроет?

«Ну конечно, кто-то следил за домом...» Возможно, они освободили территорию, когда собственность перешла к нему, но мистер Аллен сказал, что жильцов в последнее время не было. Может, сквоттеры?² Очень хозяйственные сквоттеры?

В его сумке, в конверте, полученном от адвоката, лежал ключ, но, когда Мерритт взялся за ручку, дверь открылась, лишь чуть слышно скрипнув петлями. Было слегка за полдень, так что солнце сияло сквозь окна, на которых лишь самую малость виднелись следы дождя. Скромная приемная выглядела в точности так же идеально, как сам дом снаружи. В дальнем конце располагались совершенно целая лестница и дверь. Оставив входную дверь открытой, Мерритт вошел, восхищаясь. Он намеревался открыть вторую дверь, но его внимание привлекли комнаты, уходящие в обе стороны от приемной: столовая справа, со столом, уже накрытым на восемь персон, и гостиная слева, полностью обставленная мебелью цвета бургундского вина и лесной зелени.

Мерритт был поражен. Он ведь и правда думал, что завещание бабушки повесило на него нежеланный «подарочек», вынудив либо оставить все гнить, либо попытаться продать, но этот дом выглядел... потрясающе. Больше, чем он мог бы себе позволить, если только не станет Александром Дюма и не вытрясет кучу денег из издателя.

– Спасибо, Анита, – пробормотал он, протянув руку и прикоснувшись к стене. Там висел портрет какой-то британки, и ничто не указывало на то, кем она могла быть. Казалось, она смотрит на него, удивляясь смене владельца точно так же, как и он сам.

Мерритт повернул к гостиной, ступая очень тихо. Все было в порядке, будто для него приготовленное, хотя толстый слой пыли покрывал каждую поверхность, и мебель была слегка потертая. Но никаких следов грызунов, даже ни одной мухи. Мерритт провел рукой по спинке кушетки, прежде чем заглянул в следующую дверь, которая вела на застекленную террасу. Растения там либо засохли, либо слишком разрослись, словно тот, кто присматривал за домом, совершенно не знал, как за ними ухаживать. Но у Мерритта был зимний сад. Эта мысль вызвала в груди какое-то странное давление, которое он не мог толком понять.

Повернув назад, он уже прошел четверть пути через гостиную, как вдруг что-то привлекло его взгляд. Подойдя к окну, он увидел бордовое кресло, обитое бархатом, на подлокотниках и ножках его были вырезаны кленовые листья.

И оно таяло.

Мерритт прищурился. Потер глаза. Придвинулся чуть ближе.

Оно... определенно таяло. Как свеча под жарким пламенем. Сидение капало на ковер, хотя ковер его не впитывал и не удерживал. Капли просто переставали существовать. Тем временем дерево заблестело от влаги и прогнулось, готовое сломаться от малейшего прикосновения.

– Святой боже, – пробормотал Мерритт, отшатнувшись. Он плюхнулся на кушетку, и его рука прошла сквозь ее полужидкую обивку.

С воплем он отдернул руку и скатился на пол, торопясь быстрее встать на ноги. Капли кушетки еще держались на его пальцах, а затем испарились, будто их никогда и не было. Когда стены начали коробиться, Мерритт бегом бросился в приемную, часто дыша, прижимая еще недавно покрытую вязкой массой руку к груди.

– Да что же это? – спросил он, вертясь на месте.

Глаза с портрета следили за ним.

Что-то протопало вверх по лестнице.

Сглотнув, Мерритт бросился к входной двери.

² Люди, незаконно заселяющиеся в пустующие дома.

Она захлопнулась, щелкнув замком перед самым его носом.

Глава 2

6 сентября 1846, Бостон, Массачусетс

Хюльда Ларкин сидела в задней части отеля «Брайт Бэй», в малом фойе, которое было специально выделено для Бостонского института хранителей очарованных комнат, или сокращенно БИХОКа. Скамья была без спинки, но придвинута к стене, чтобы это компенсировать; с одного бока у нее стоял фальшивый розовый куст, а с другого – горшок с живым папоротником. Хюльда изучала свое самое недавнее приобретение – книгу рецептов блюд из морепродуктов – и помечала закладками наиболее разумные варианты. Она лишь вчера вернулась в Бостон после шестинедельного задания в Канаде, где у берегов озера Онтарио наблюдала за процессом консервации длинного дома³, снабженного мощными охранными заклятиями. Ее вызвали в офис лишь часом ранее.

Долго ждать ей не пришлось. Мисс Стиверус, молодая администраторша, впорхнула в комнату, как раз когда Хюльда вставляла третью закладку, и объявила: «Мисс Хэй готова вас принять!»

Закрыв и убрав книгу в сумку, Хюльда встала и расправила рюши на юбке, затем вежливо кивнула и направилась в офис. Это было довольно большое помещение с широкими окнами, свет из которых падал на тяжелый стол и на спину миниатюрной элегантной женщины, что сидела за ним. Одна стена была покрыта полками, как в библиотеке, другая же была совершенно голой.

– Мира, – кивнула Хюльда и улыбнулась.

– Сама пунктуальность. – Мира Хэй поднялась со стула и подошла к ней, с изяществом балерины прихватив с угла стола папку. Ее черные волосы были завиты и тщательно уложены, оттеняя слегка смуглую кожу, одну из немногих черт, выдававших ее испанское происхождение. Хотя ей было уже около пятидесяти, выглядела она моложе, вероятно, потому что всегда была наготове, на связи и начеку. Она никогда не брала отпуск или больничный, кроме того приступа лихорадки в 1841 году, когда весь институт взмолился о ее скорейшем выздоровлении. Мира Хэй была БИХОКом в большей мере, чем любая библиотека или офис когда-либо смели надеяться стать.

– У меня для тебя новое задание, – объявила Мира.

Хюльда моргнула.

– Уже? Снова за морем?

Ее дорожные сундуки прибыли лишь этим утром. Хотя БИХОК базировался в Бостоне, они часто брались за международные дела, особенно когда их головная организация, ЛИХОК – Лондонский институт хранителей очарованных комнат, ощущала нехватку сотрудников. Заколдованные дома в Европе встречались куда чаще, чем в Штатах.

– Вообще-то, нет. Новый владелец унаследовал Уимбрел Хаус. – Мира открыла папку и протянула ей. – Мои источники сообщают, что он въехал вчера.

В папке лежали чертежи и одинокий листок с данными.

– Уимбрел Хаус? Я с ним незнакома. – Она принялась читать. – Род-Айленд?

³ Тип длинного узкого дома с одиночным помещением, представляет собой раннюю форму капитального деревянного строительства.

– Именно. Он давно заброшен, по понятным причинам. Был укрытием для некромантов во времена Салемских беспорядков⁴. – Она недовольно прищелкнула языком. – Поздно ночью пришла телеграмма. Нового владельца зовут Мерритт Фернсби.

Хюльда просмотрела листок с информацией. Дом был унаследован от Аниты Николс.

– Похоже, он был продан как обычный дом, – добавила Мира.

– Надо же... Такое всегда интересно заканчивается.

Неволшебник въезжает в зачарованный дом – деликатная ситуация... Она перевернула листок.

– Папка уж очень тонкая.

– Спасибо моей предшественнице, – сказала Мира извиняющимся тоном. – Это одинокий дом, весьма удаленный от цивилизации, в нем долгие годы едва ли кто-то жил, а обитатели уж точно не вырезали свои имена на стенах.

Она переплела пальцы.

– Знаю, ты только что вернулась, но не могла бы ты отправиться сегодня же? На трамвае и лодке добраться всего два часа. Не хотелось бы откладывать.

Откладывать и рисковать тем, что жилец навредит дому, либо дом навредит жильцу. Хюльда кивнула:

– Мои вещи все равно еще упакованы, так что мне не трудно. – Хотя для первого посещения ей понадобится лишь ее удобная черная сумка. Она никуда без нее не выходила.

Мира хлопнула в ладоши:

– Да благословит тебя бог! Я не могла послать никого другого, Хюльда. Ты и правда у нас лучшая!

Хюльда закатила глаза, хотя на сердце от этих слов потеплело.

– Это лишь потому, что миссис Торнтон еще в Дании.

– Пфф. – Мира положила руку ей на плечо. – Дом в стороне от основных маршрутов. Сядь на кинетический трамвай до Провиденса. БИХОК компенсирует тебе проезд.

Кивнув, Хюльда повернулась к двери, ей все еще не давала покоя столь скудная информация.

– И Хюльда...

Она остановилась.

Мира сцепила пальцы в замок.

– Прошу, будь осторожна.

Поправив очки на переносице, Хюльда ответила:

– Я всегда осторожна.

* * *

Уимбрел Хаус оказался довольно мил. Зачарованные дома часто были такими, но приятельность этого усиливалась тем, что он буквально утопал в природе, дикие травы были позолочены послеполуденным солнышком, где-то в стороне кричала цапля. Повсюду пахло океаном, и оттого ветер казался прохладнее, в разгар лета это было бы весьма кстати. Сейчас, конечно, был уже сентябрь, а Хюльда не задержится здесь настолько, чтобы год сменился и снова настал июль, но мысль была приятная.

У дома была крутая остроконечная крыша и множество окон, больших и маленьких, круглых, полукруглых и прямоугольных. Темные дубовые ставни, синяя черепица, которая блестела на солнце, как морская волна. Дом был не особенно большим, значит, и штат прислуги ему требовался меньший. Если честно, это все упрощало – и для найма, и для кошелька

⁴ Знаменитая охота на ведьм: судебный процесс, проходивший в новоанглийском городе Салем в 1692–1693 гг.

нового владельца. БИХОК и без того с трудом находил людей, достаточно знакомых с магией, чтобы их можно было нанять, да еще и трудоспособных.

Подойдя к двери с тяжелой сумкой на плече, в которой лежали инструменты, Хюльда взялась за медный дверной молоток и постучала четыре раза. Громко. Она не любила повторяться.

Мгновение царил тишина. Затем она услышала, как что-то плотное свалилось на пол – и не раз, – а потом раздался короткий вскрик. Вытащив папку, она в последний раз взглянула на записи, для верности. *Мерритт Фернсби*.

– Да? – его голос пронзительно прозвучал с той стороны двери, и отчаяние просочилось сквозь дерево.

Хюльда поправила очки.

– Мистер Фернсби?

– Пожалуйста, помогите! – закричал тот. – Он меня не выпускает!

О боже. Хюльда открыла сумку.

– Как долго вы находитесь в доме?

Дверная ручка задрожала.

– Кто вы? Я пытался разбить окно, но... О господи, она снова на меня смотрит.

– Пожалуйста, воздержитесь от нанесения повреждений зданию. – Она вынула ломик. – Кто смотрит на вас?

– Женщина на портрете!

Хюльда вздохнула. Такие дома и правда стоит пропускать через БИХОК, прежде чем передавать обычным гражданам.

– Отойдите, мистер Фернсби.

Она вставила край лома между дверью и косяком, затем пробормотала:

– Серьезно, домик. Он не станет о тебе заботиться, если будешь вести себя как дитя.

Она надавила несколько раз, прежде чем засов поддался и дверь открылась внутрь, а затем Хюльда вернула лом в сумку.

Четыре пальца ухватились за дверь и рванули ее на себя.

Он был почти шесть футов ростом⁵. В бумагах сказано, что ему тридцать один – на три года меньше, чем Хюльде, – хотя с мешками под глазами выглядел он старше. У него были светло-каштановые волосы, которые старомодно доходили до плеч и нуждались в расчесывании. Нос у него был прямой, слегка утолщенный в центре переносицы. Одежда была хорошо пошита, но вместо галстука на нем был разноцветный шарф, который явно видал лучшие дни. Две верхние пуговицы его бледно-желтой рубашки были расстегнуты – нет, все пуговицы были застегнуты неправильно, потому что он пропустил одну, и это не давало Хюльде покоя, требуя привести его внешний вид в порядок, но она была экономкой, а не камердинером. Одна нога бедного мужчины была босая, вторая – в носке, а в голубых глазах плескалась паника, будто он несколько лет не видел людей.

Этого можно было ожидать.

– Здравствуйте, мистер Фернсби. – Она протянула руку. – Меня зовут Хюльда Ларкин. Меня прислал БИХОК, Бостонский институт хранителей очарованных комнат. Так как вы недавно унаследовали заколдованный дом...

– О, слава богу! – Мистер Фернсби попытался пожать ей руку, но в тот момент, когда его пальцы достигли дверного проема, часть косяка отделилась от стены и выгнулась, преграждая ему дорогу. Закрыв глаза, он прислонился к деревяшке. – Он меня не выпускает.

– Это я вижу, – заметила Хюльда. Она сама потянулась вперед, и ее рука легко проникла через барьер.

⁵ Около 183 см.

– Я бы на вашем месте не стал этого делать, если вы хотите вернуться домой, – предупредил он.

Хюльда решительно улыбнулась:

– Уверяю вас, я профессионал. Могу я войти?

Он уставился на нее:

– Вы хотите войти? Да ради бога, он ваш! Просто *вытащите. Меня. Наружу.*

– Боюсь, я не смогу этого сделать, пока не проведу оценку жилища.

Мерритт удивленно моргнул, как будто это *она* тут была на грани безумия.

– Оценка жилища? – Он резко протянул к ней руку. – Просто вытащите меня!

Хюльда нахмурилась.

– Полагаю, вы в школе учились достаточно прилежно, чтобы знать, что магия так не работает?

Он снова уставился на нее:

– Это в каких школах такому учат?

Хюльда нахмурилась еще сильнее. Действительно, большинство комиссий по вопросам образования в США включали в программу только изучение исторического значения магии, а не самого ведовства, например, захват британских кинетических кораблей во время печально известного Бостонского чаепития. Хюльда несколько лет обучалась за границей, в Англии, где категоризации и использованию магии уделяли гораздо больше внимания как в школах, так и по всей стране в целом.

Мистер Фернсби потер глаза.

– Здесь призраки...

– Возможно, но, скорее всего, нет, – перебила его она. – Призраки – лишь один из вариантов для зачарованного...

– Черт побери, женщина! – Он сжал пальцами переносицу. – Ладно! Заходите, и посмотрим, как он себя с вами поведет!

Мерритт отступил в сторону, позволяя ей пройти, но при этом испуганно покосился на портрет на северной стене.

Дом застонал, когда Хюльда вошла, стуча каблуками по твердому деревянному полу. Станет ли он ее удерживать, пока было неизвестно. Женщина осмотрелась – снаружи было светло, но солнце едва пробивалось через окна. К лестнице и стенам льнули тени, создавая в комнатах – насколько ей было видно – неровные участки тьмы. Она заметила, что глаза портрета справа следили за ней, и кивнула в знак приветствия.

– Похоже, дом в хорошем состоянии, учитывая его историю. Но, разумеется, это типично для построек, на которые наложены сильные чары.

Мистер Фернсби провел рукой по лицу.

– А... А вы откуда узнали про это место?

– Работа у нас такая – знать.

Сунув руку в карман, она вытащила карточку и вручила ему. Информация о БИХОЖе (кроме его местоположения – его редко разглашали) была отпечатана на ней вместе с ее собственным именем.

– Дом с вами говорил? – спросила она.

Он уставился на нее:

– Говорил со мной?

Она стянула перчатки.

– И незачем приходить в такой ужас, мистер Фернсби. Магия в наши дни редка, но едва ли совершенно вам незнакома. Я вот сюда добралась на кинетическом трамвае – трамвае, который приводил в действие кинез, одна из одиннадцати магических школ.

– Да, да... – Мерритт потер глаза. Вероятно, он их и не сомкнул в прошлую ночь, раз провел ее здесь. – Я знаю, но тут она какая-то особенно... – он помахал рукой, будто пытался найти подходящее слово, – плотная.

– Действительно. Так всегда бывает с жилыми помещениями. Чары, которые существуют вне живого тела, не получают обычных ответных реакций за постоянное применение магии.

Он переступил с ноги на ногу.

– Простите?

– Мне понадобится обойти дом, если вы желаете, чтобы я диагностировала проблему, – продолжила Хюльда. – Зачарованный дом нельзя содержать в порядке, если как следует его не изучить.

Мистер Фернсби запустил пятерню в волосы. Теперь понятно, почему они у него так спутаны.

– То есть вы определите тип магии?

– В том числе. Существует несколько причин, по которым дом может быть зачарованным. – Она поправила очки. – Возможно, его просто заколдовали либо возвели на месте, где произошел выброс аномального количества магии. Его также могли специально построить, планируя зачаровать, это распространенная практика. Ну и наберется еще с полдесятка других вариантов. Может, материалы были заколдованы, либо им владел волшебник, либо он очень стар и обрел собственный разум, что вряд ли, учитывая колониальный стиль. Иногда дома просто недовольны своей планировкой и сами себя зачаровывают, просто чтобы иметь возможность изменить...

Что-то бухнуло наверху. Мистер Фернсби подскочил.

Наклонив голову набок, Хюльда прислушалась, но других звуков не было.

– В доме еще кто-нибудь есть?

Он покачал головой.

Прочистив горло, Хюльда закончила:

– Будет лучше, если я осмотрю дом и определю источник магии, если вы не возражаете.

Мистер Фернсби оглядел свой дом так, будто боялся его. Хюльда не могла его винить: стены приемной как раз начали плавиться. Хаократия, скорее всего. Одиннадцатая школа магии.

– Что угодно, только вытащите меня отсюда, – пробормотал он.

– Ваше удобство – моя цель. Зачарованные дома можно приручить.

Когда он посмотрел на нее непонимающими, налитыми кровью глазами, она указала рукой вправо:

– Может, начнем в столовой?

Мистер Фернсби поежился.

– С-стол там съел мой бумажник. Вам это, наверное, кажется бредом...

– Вовсе нет.

– Он чуть меня не съел.

Порывшись в сумке, Хюльда выудила веревочку, с которой свисал красный вышитый мешочек, и вручила ему.

– Это оберег. – Она вытащила второй для себя. – Наденьте его и будете в некоторой мере защищены, пока мы будем осматривать дом.

– В некоторой мере?

– Ничто не бывает совершенно надежным. – Она надела свой оберег через голову и встретила с ним взглядом. – Слишком долго носить их опасно; переносные чары такого рода могут оказывать странное воздействие на организм, но в доме хранить их можно.

Мистер Фернсби положил мешочек на ладонь и перевернул его.

– Как это работает?

– Это первоклассная магия. Очень дорогая. – Хюльда наградила его взглядом, в котором должно было читаться *«Не ломайте, пожалуйста»*. – Конкретно этот амулет защищает от хаократии. Если точнее, это амулет порядка и восстановления. Едва ли у кого-то может быть слишком много порядка в жизни, так что не думаю, что дом обернет его против нас.

Амулеты были набиты обсидиановой крошкой, но в каждой мешочке также находились кровь и ноготь волшебника, который их сотворил. Мистер Фернсби, однако, казался человеком впечатлительным, так что Хюльда решила ему этого не рассказывать.

– Можно? – Она указала в сторону столовой.

Мерритт кивнул и двинулся за ней. Когда она вошла, тени существенно сгустились, пытаясь заглушить весь свет, проникающий через окно на восточной стене. У них неплохо получалось.

– Поначалу здесь было не так, – сказал мистер Фернсби, когда она подошла к столу.

– А как было?

– Как в нормальном доме.

– Хм.

Хюльда положила руки на спинку стула – одного из восьми. Это была маленькая столовая, хотя хозяин мог бы разместить и двенадцать человек, если бы его вынудили обстоятельства. Стол был уже сервирован, пусть и покрыт пылью.

Постучав костяшками по столешнице, она сказала:

– Ну все, отдавай. Зачем он тебе? Его бумажник все равно тебе не пригодится, верно ведь?

Пол заскрипел, как будто они стояли на палубе корабля, что входил в бурные воды.

Запустив руку в сумку, Хюльда вынула стетоскоп, вставила его в уши и приложила акустическую головку к столешнице. Она подвигала ее туда и сюда, постукивая свободной рукой, пока не нашла место, где дерево показалось более плотным. Достав амулет поменьше, она бросила его на стол, и тот отпрыгнул потрепанный кожаный бумажник.

– Да вы святая! – Мистер Фернсби схватил бумажник, прежде чем стол мог бы снова его проглотить.

Указав на западную дверь, Хюльда спросила:

– А что там?

Мистер Фернсби свободной рукой сжал амулет, висящий на шее.

– Кажется, туда я еще не заглядывал.

Это ее не удивило. Дверной проем был совершенно черным.

Подобрав амулет и положив его в карман, Хюльда вынула небольшую лампу. Она повернула переключатель, и та засветилась.

– Что это? – спросил мистер Фернсби.

– Зачарованная лампа. Заклинательство и стихии. Огонь. – Она вытянула руку с лампой и пошла вперед.

– Без единой спички? Почему такие штуки не освещают улицы?

– Потому что они дороже, мистер Фернсби.

– А что нынче дешево?

Хюльда подошла к дверному проему, высоко держа лампу. Согласно чертежам, за ним была комната для завтраков...

Дверь метнулась прямо к ней. Хюльда отпрыгнула, но недостаточно быстро...

Две руки схватили ее за талию и втащили обратно вглубь столовой. Дверь лишь чудом не задела лампу. Она бы вдребезги разбила стекло – и заклинание.

Мистер Фернсби отпустил Хюльду, но ее щеки все равно залил румянец смущения. Она отвела свет от лица, чтобы это скрыть, а затем разгладила юбку.

– Спасибо, мистер Фернсби.

Он кивнул, угрюмо глядя на дверь:

– Одна такая наверху мне чуть нос не отхватила.

Дом оказался более проблемным, чем ожидала Хюльда. Она установила небольшой амулет на полу возле двери. Она привезла с собой лишь восемь, и поначалу ей казалось, что это перебор.

Дверь не возражала, когда Хюльда подошла к ней на этот раз, хотя порог женщина переступила поспешно, как и мистер Фернсби вслед за ней. Комната для завтраков была размером с половину столовой, в ней стоял еще один накрытый стол, за которым могло сидеть четыре человека. Обойдя комнату, Хюльда сказала:

– Вы могли бы снести ту стену, чтобы можно было размещать большее количество гостей. Дом заворчал, как будто он был желудком, а они – едой.

– Да я даже себя тут размещать не намерен. – Мистер Фернсби резко обернулся, высматривая что-то в тенях. – Здесь ведь нельзя жить!

– Вы много потеряете, если так быстро сдадитесь, – предупредила Хюльда. – Уимбрел Хаус какое-то время был необитаем, возможно, потому так плохо себя ведет. В подобном состоянии вы даже не сможете его продать. А это, как минимум, финансовые потери.

Казалось, он задумался.

У следующей двери Хюльда остановилась.

– Полагаю, здесь кухня.

Дверь ей не сопротивлялась. В этой комнате было немного светлее, потому что в железном светильнике под потолком горели свечи. В кухне были очаг и дровяная печь, а также обширная рабочая поверхность и раковина, наполняемая насосом.

– Очень хорошо. Табуретка у вас есть?

– Хорошо? – повторил мистер Фернсби. – Мы с вами в одном доме находимся?

Он посмотрел по сторонам и нашел трехногую табуретку по ту сторону очага. Писатель поднял ее и понес назад, но не прошел и полпути, как начал кричать.

– Снимите ее, снимите! – Мерритт выбросил руки в сторону, но сиденье присосалось к ним, растекаясь и поднимаясь все выше. Казалось, правда, что выше локтя табуретке не пробраться, а значит, надетый амулет работал.

– Ну и какой тебе с этого прок? – спросила Хюльда у потолка.

Огни в светильнике замерцали.

Вздыхнув, Хюльда подошла к мистеру Фернсби и ухватила его за плечо.

– Попытайтесь успокоиться.

– Она *ест* меня!

– У него просто истерика. – Хюльда взялась за одну из ножек табуретки, хотя та была мягкой, как теплый воск, и потянула. Несмотря на полужидкое состояние, табуретка все еще была одним *предметом* и постепенно съехала с руки мистера Фернсби. Когда Хюльда ее отпустила, она плюхнулась на пол, как куличик из грязи. Хюльда открыла было сумку в поисках амулета, но табуретка сама приняла нормальный вид.

Прежде чем мебель вновь надумала чудить, она поставила ее под светильником.

– Будьте любезны, подстрахуйте меня, мистер Фернсби. – Хюльда не хотела, чтобы табуретка растеклась, пока она на ней стоит.

Он подошел поближе, глядя на табурет.

– А вас все это вовсе не смущает, мисс Ларкин.

– Лучше миссис. – Она ступила на табурет.

Мерритт посмотрел на ее левую руку, на которой не было кольца.

– Так вы замужем?

Хюльда сосредоточила внимание на светильнике.

– Экономку полагается называть «*миссис*» независимо от ее семейного положения. – Она достала лупу и провела пальцем по каемке вокруг линзы. Лупа тоже была заколдована и настраивала фокус в зависимости от ее нужд. Мистер Фернсби, стоявший сзади, подошел к ней поближе, чтобы было лучше видно, и тихонько присвистнул.

Проигнорировав его, Хюльда сконцентрировалась на свечах.

– Вы заметили, что они не гаснут? Скорее всего, Уимбрел Хаус не владеет магией стихий. – Она оставила себе мысленную пометку и сошла с табурета. Сразу за кухней располагалось застекленное крыльцо, но раз пол пузырился, как гудрон, она решила в этот раз его не осматривать.

Дом многозначительно скрипнул, когда они вернулись в приемную. Вооружившись лампой, Хюльда открыла дверь возле лестницы и обнаружила туалет. Она вошла, осмотрела зеркало, но оно оказалось совершенно обычным.

Когда Хюльда прошла в дальний угол, а мистер Фернсби последовал за ней, дверь захлопнулась, напугав ее, и все шесть стен, включая пол и потолок, начали сжиматься, сминая унитаз и раковину, точно те были сделаны из глины. Трубы толкнули Хюльду к мистеру Фернсби, который удержал ее за плечи, в то время как из стены позади них выросли шипы.

Впервые после приезда она ощутила, как в животе похолодело от страха.

– Немедленно прекрати! – закричала она, но дом уже доказал, что договариваться с ним бесполезно. Раковина врезалась в них двоих, Хюльда попыталась отодвинуться, но места было мало, и оно все сжималось, а мистеру Фернсби пришлось пригнуться, потому что потолок уже касался макушки.

Из противоположной стены выступили новые шипы, царапнули край сумки Хюльды, продвигаясь все ближе, ближе...

Мистер Фернсби выругался сквозь сжатые зубы, когда один шип уперся ему в спину. Он отчаянно пытался открыть дверь. Замок заело. Писатель бросился на дверь плечом, раз, другой...

Из двери выросли шипы, тонкие, как иголки.

– Мистер Фернсби! – выкрикнула Хюльда.

Он отшатнулся прочь, чуть не напоровшись на них, и врезался прямо в нее. Шипы защекотали ей шею.

Думай, думай! Она глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться, и отметила, что мистер Фернсби пах чернилами, гвоздикой и легкими цветочными нотками петигрена⁶.

Хюльда порылась в сумке, и колени ее чуть не подогнулись, когда пол начал давить снизу вверх. Шип впился ей в локоть, и...

Она и забыла, что взяла ее с собой!

Выдернув руку из сумки, она закричала:

– Держитесь, мистер Фернсби!

И бросила свою бомбу в одну из шипастых стен.

Уборная взорвалась. Фальшивый дым заполнил все пространство. Стены, пол и потолок мигом вернулись на свои места, а Хюльду с мистером Фернсби буквально вытолкнуло из комнаты. Миссис Ларкин тяжело ударилась о пол приемной, но все обошлось ушибленной коленкой. Кашляя, она сбросила сумку с плеча и проверила прическу. Темно здесь или нет, она не станет выглядеть неопрятно во время работы.

Мистеру Фернсби понадобилось больше времени, чтобы встать. Он часто моргал и сдвигал волосы с лица.

– Какого черта это было?

Учитывая обстоятельства, Хюльда не стала бранить его за выбор лексики:

⁶ Эфирное масло из листьев и веточек горького апельсина.

– Хаократическая мина. Очень...

– Дорогая, – закончил он за нее, отряхивая рубашку и поднимаясь на ноги. Мерритт предложил ей руку, на которую она оперлась, а потом оглянулся на уборную. Лампа, все еще зажженная, лежала на полу, сразу за дверью, освещая кажущиеся вполне нормальными комнату и унитаз.

Он покачал головой:

– Хаократия... Она же должна быть в руинах.

– Частое заблуждение. – Хюльда прочистила горло, заставляя улечься легкую дрожь, что услышала в своем голосе. – Хаос – это отсутствие порядка, но если что-то *уже* в состоянии хаоса, тогда беспорядок для него – это порядок.

Мистер Фернсби посмотрел на нее:

– Так откуда вы, говорите?

– Из БИХОКа. На визитке написано.

Он вынул карточку из кармана, пока Хюльда ходила за лампой. Она воспользовалась минуткой тишины, чтобы собраться с мыслями. Возможно, ей стоит вернуться в Бостон и посоветоваться... Но нет, она могла закончить сама. Зачарованные дома редко бывали злобными, а этот был явно не худший, что ей встречался.

Это просто новый вызов. К тому же Хюльда ни за что не сможет убедить мистера Фернсби дать этому месту шанс, если сама не сделает того же.

Так что она вытащила свой стетоскоп и прослушала внешнюю стену уборной.

– А эта штука что делает? – спросил мистер Фернсби. – Общается со стеной?

– Общение работает только с флорой и фауной, мистер Фернсби, – это была восьмая школа магии. – Данный инструмент *ноэтический*⁷ – он заряжен психометрией. Она также обычно применяется к живым существам, но зачарованные дома отвечают одному-двум параметрам.

И точно – она почти расслышала биение сердца. Убрав стетоскоп в сумку, Хюльда прошла мимо хозяина через приемную и в гостиную.

Уимбрел Хаус все еще играл с тенями и скрипами, но на этот раз решил еще добавить паутину.

– Мебель вчера таяла. – Мерритт быстро ткнул кушетку и отдернул руку, словно она могла напасть на него, как та кухонная табуретка.

Хюльда подняла лампу.

– Меня больше смущает цветовая палитра. – Она щелкнула языком, осматривая комнату. Все было окрашено в глубокие тона красного и зеленого, как на очень унылое Рождество. Если бюджет клиента позволит, она здесь кое-что обновит. Краем глаза Хюльда заметила, что мистер Фернсби едва сдержал улыбку, и проигнорировала это.

Она пошла было к следующей двери, но остановилась, когда что-то упало с потолка.

Веревка. Сплетенная из паутины. Или, если точнее...

– Петля... – прохрипел Мерритт. Потом с наигранным весельем добавил: – По крайней мере, в ней никого нет.

– Пока, – сказала Хюльда и не сдержала улыбки, увидев, как расширились глаза мистера Фернсби. Она мысленно отчитала себя. Черный юмор ей не поможет, да и БИХОКу хорошей репутации не сделает.

Веревка была сделана из паутины, поэтому рассыпалась, когда она смахнула ее рукой.

– Никогда не слышала, чтобы дом кого-то убил, если это вас успокоит, – сообщила Хюльда.

⁷ *Ноэтика* – наука, изучающая вопросы мышления, сознания и парапсихологии. Институт ноэтических наук был основан в США в 1973 г.

– А как насчет увечий? – спросил Мерритт в ответ.

Она решительно двинулась к следующей двери, прислушиваясь в ожидании новых сюрпризов. Мистер Фернсби сказал:

– Там зимний сад.

Дверь была заперта.

– Я ее не запираю, – добавил он.

Хюльда вздохнула:

– Ключ у вас есть?

Мерритт похлопал себя по животу, видимо, забыв, что на нем нет жилета, потом по слаксам и вынул из правого кармана простое кольцо для ключей. Подойдя к двери, он вставил в замок маленький ключ.

Замок его выплюнул.

– Ну будет тебе, – упрекнула Хюльда дом.

Мистер Фернсби попробовал снова. На этот раз он даже не смог вставить кончик ключа в скважину. Дом поменял замок.

Хюльда постучалась в дверь:

– Нам что, целый день этим заниматься?

Дом не ответил.

Закатив глаза, хотя так делать и не подобало, Хюльда снова порылась в сумке и вынула лом.

– А как он зачарован? – голос мистера Фернсби был почти заинтересованным.

– Это лом, мистер Фернсби. Просто лом.

Она вставила краешек между дверью и косяком и, сильно толкнув бедром, заставила дверь открыться. Пространство за ней было хорошо освещенным – здесь дом окна не затемнил – и узким, заполненным мертвыми и одичавшими растениями. Хюльда ждала, что что-то случится, и с облегчением вздохнула, когда ничего не произошло.

– Цветы не нападают, это хороший знак, – сообщила она.

– О, чудесно. Не хотелось бы заснуть, опасаясь, что меня задушат нарциссы. – Мерритт снова взъерошил волосы. – Я вообще не хочу волноваться из-за такого, мисс – миссис – Ларкин. Но это место не дает мне уйти...

Шагнув назад в гостиную, Хюльда подождала, пока он встретится с ней взглядом:

– Не было еще ни одного дома, который я бы не привела в надлежащее состояние. Я гарантирую, что это место будет стоить ваших вложений.

Он вздохнул, казалось, действительно потеряв надежду, и Хюльде стало интересно: а какая у него история?

– Вы правда сможете?

– Смогу. – Она переложила сумку в другую руку. – Давайте посмотрим, что наверху...

Бессознательно она отметила треск дерева и звук падения чего-то мягкого и потом уже сообразила использовать лампу и посмотреть. А когда посмотрела, мурашки пробежали по ее спине. Мистера Фернсби чуть не стошнило.

Дом насыпал на пол дохлых крыс.

Краем сознания Хюльда уже отметила определенную последовательность в том, как лежали трупы, и содрогнулась, когда ее собственная – пусть и слабая – магия захватила ее. С провидением такое время от времени случалось: видения приходили независимо от того, хотела она или нет. Ее мысленному взору предстала тень крупного зверя, будто бы залитого лунным светом. Собака, а может быть, волк.

Вероятно, рассудив, что она падает в обморок, мистер Фернсби схватил ее за локоть и оттащил от дохлых крыс. Они казались относительно свежими. Как будто дом специально хранил их для этого момента.

Ее желудок сжался при этой мысли. *Хранение. Тела.*

Нет, сейчас было не время вспоминать тот ужас. Ради всего святого, да она готова каждый день смотреть на дохлых крыс, если это поможет ей забыть...

– Мисс Ларкин?

Мистер Фернсби вглядывался в ее лицо, сведя брови. Отодвинувшись от него, Хюльда кивком показала, что в порядке, и торопливо пошла к лестнице.

Первая же ступенька оскалилась и попыталась ее укусить.

Достав еще один амулет, Хюльда повесила его на навешенные перил, и импровизированный рот захлопнулся. Она обернулась к мистеру Фернсби, который круглыми глазами уставился на деревянную пасть. Выпрямив спину, чтобы внушить храбрость им обоим, она сказала:

– Двигаемся быстро.

Так они и поступили, но, достигнув второго этажа, мистер Фернсби чуть не скатился с лестницы. Его лицо побледнело в свете волшебного фонаря.

– Только не снова...

С потолка коридора капала кровь.

Хюльда вздохнула: она была рада увидеть что-то знакомое.

– Это старый трюк.

Мистер Фернсби непонимающе посмотрел на нее:

– Как вы можете так спокойно на все это реагировать?

– Я же говорила вам, мистер Фернсби. – Она присела на корточки и вытянула фонарь вперед, глядя на то, как «кровь» ударяется о ковер и попросту исчезает. – Я профессионал.

Он пробормотал себе под нос что-то, чего Хюльда не смогла разобрать. Вставая, она подняла фонарь повыше.

– Думаю, это краска. Дом должен владеть заклинательством, чтобы произвести настоящую кровь, но, несмотря на крыс, не думаю, что это наш случай. В противном случае это самый впечатляющий дом, в который я имела удовольствие вторгаться без приглашения.

Дом застонал и защелкал, совсем как уборная перед тем, как начать их давить. Миссис Ларкин проигнорировала мурашки, побежавшие по рукам.

Мистер Фернсби потянулся вперед и поймал ладонью краску.

– В самом деле?

– В доме что-либо выкрашено в такой оттенок красного? Краску могли вытянуть, а предмет растопить, как ту мебель.

Он посмотрел на нее так, словно видел впервые.

– Я... Я не уверен. Было... темно.

Хюльда улыбнулась ему своей «деловой» улыбкой, и его плечи расслабились.

– Когда закончу отчет, буду знать наверняка. Сколько спален? – Потянувшись в сумку, она вынула зонтик и раскрыла его над их головами, прежде чем свернуть налево.

– Ч-четыре, кажется.

И в первой из них, к счастью, дверь была открыта. К счастью – потому что пола там не было.

Хюльда подняла фонарь повыше, но яма, на вид бездонная, поглощала весь свет.

Мистер Фернсби отшатнулся. Она закрыла зонтик.

– Уверена, пол вернется. Дома не любят быть несовершенными.

– Да неужели? – Сарказм буквально пронизывал его вопрос, но Хюльда решила не обращать внимания.

Они перешли к следующей комнате, и дом вновь захлопнул дверь, хотя Хюльда этого ожидала. Она пошла дальше. Комната в конце коридора была, видимо, хозяйской спальней.

Убедившись, что дверь не отгрызет ей голову, Хюльда заглянула внутрь. На первый взгляд это была совершенно обычная спальня. Никаких теней, никакой паутины, никаких

крыс... Кому-то из них двоих придется их убрать, потому что, судя по запаху, Хюльда была уверена, что они не иллюзия, что относилось бы ко второй школе магии: психометрии. На самом деле эта комната выглядела весьма приятно. Солнце светило через окно, покрытое следами дождя, кровать была заправлена, пол относительно чист...

Мистер Фернсби выругался, напугав Хюльду.

– В чем дело?

Он прошагал в комнату, выглядя гораздо более уверенно, чем когда только открыл ей дверь.

– Мои тетради были прямо здесь, на этой тумбочке! – Он провел рукой по крышке. Открыл ящик, внутри которого лежал какой-то пистолет. Обыскал кровать с четырьмя столбиками, откинул покрывало – под кроватью лежал мушкет. Боже святой, да зачем человеку столько оружия? А он ведь даже еще не въехал. – Я знаю, что они были здесь! Я писал в одной из них прямо перед вашим прибытием.

Покопавшись в сумке, Хюльда вынула волшебную лозу⁸ и аккуратно выставила оба прута перед собой, держа пальцы ровно. Она пошла вперед маленькими шагами, ставя одну ногу четко перед другой, сперва к мистеру Фернсби, потом в другой конец комнаты. Прутики немного разошлись.

Она дотронулась до бугра на ковре носком ботинка.

– Полагаю, они здесь.

Мерритт посмотрел на бугор, прищурившись, будто не видел его без очков, потом быстро подошел и изучил его.

– Но... как? Ковер же прибит к полу! Как мне их доставать?

– Думается, у вас три варианта. Отодрать и скатать ковер, вырезать их либо ждать, пока дом сам их вернет.

Мистер Фернсби уставился на нее, но, прежде чем он успел открыть рот, она добавила:

– Я бы рекомендовала поменьше обижать дом. Нам нужно, чтобы он был на нашей стороне.

– Точно. На нашей. – Он потер глаза ладонями. Длинно выдохнул.

Она дала ему минутку, чтобы собраться, а затем спросила:

– А оставшиеся комнаты? Ну, кроме четвертой спальни.

Он медленно отошел от стопки книг.

– Эм. Спальни, да. Гостиная. Библиотека. Опасайтесь библиотеки.

– А что там случилось?

– Она швырялась в меня книгами.

Хюльда прикусила губу, чтобы не улыбнуться. Когда мистер Фернсби заметил это, он сделал то же самое. Ну что ж, у бедняги, по крайней мере, все еще оставалось чувство юмора.

– Швырялась в вас? – Она снова вышла в темный мрачный коридор. – Или вы просто случайно попали под обстрел?

Мистер Фернсби не ответил.

Воспользовавшись зонтиком, они снова прошли через кровавый коридор, мимо лестницы и направились напрямиком в библиотеку. И верно: книги перелетали с полки на полку и, кажется, ускорялись под внимательным взглядом Хюльды. Здесь на стенах были еще портреты, а из картины с лодкой в бухте, кажется, сочилась вода. На картине с маками цветы качались на ветру, но воздух двигался лишь от пролетающих туда-сюда книг. Еще одно доказательство того, что дом не обладал чарами стихий.

В последний раз попытавшись воззвать к голосу разума, Хюльда сказала:

⁸ Два изогнутых прута, которые лозоходцы используют для нахождения воды, аномальных зон и т. д.

– Ну же. – Она потеряла внешнюю стену библиотеки. – Успокойся. Так гостей не встречают.

Книги продолжали летать.

Миссис Ларкин тихонько проскользнула в комнату.

– Допустим, он тебе не нравится, но я-то человек разумный, верно?

На мгновение книги вроде бы замедлились. Лишь на мгновение, но Хюльда сочла это победой.

Мистер Фернсби тоже это заметил, потому что сказал:

– А вот сейчас обидно было.

Дверь четвертой спальни была открыта, через нее виднелся пузырящийся ковер.

– Здесь можно устроить славный кабинет.

– Мне бы ваш оптимизм.

– Уже скоро. – Она повернулась к последней двери. – А здесь, значит, гостиная?

– Я лишь мельком взглянул.

– Мельком? – Она взялась за ручку.

– Вы, верно, помните, я рассказывал, что чуть не лишился носа...

Хюльда потратила последние амулеты, но дверь открылась. Гостиная была такой же темной, как и остальной дом, хотя не из-за теней.

– Окон нет, – пронизательно отметил мистер Фернсби.

– В самом деле. – Вручив ему фонарь, Хюльда вынула стетоскоп и небольшой молоточек, а затем пошла вдоль стены, легонько постукивая то тут, то там. Звяканья стекла она не слышала, а значит, это точно была не иллюзия. Скорее всего, изменение, седьмая школа магии. Это объясняло бы и большую часть других... странностей.

Сняв амулет с двери, Хюльда указала на два стула, стоящих в комнате. Дверь возмущенно захлопнулась, когда они сели. Хюльда поместила амулет рядом со стульями, затем сняла тот, что носила на шее, и положила себе под ноги. Мистер Фернсби поколебался, но последовал ее примеру, положив амулет позади.

– Это ненадолго усыпит данный участок. – Она забрала у него фонарь и выкрутила регулятор на максимум. Теперь перед ними предстала просто убранная комната: дубовые панели, которые перекликались со ставнями, индийский ковер, бледно-розовый диван и несколько подходящих к нему кресел. Беленый камин занимал противоположную стену, там же стоял бюст какого-то скучающего ребенка. Хюльде стало интересно: эта скульптура здесь стояла по первоначальному замыслу декоратора, или дом пытался ей что-то сказать?

Опустив сумку с инструментами, Хюльда вынула досье мистера Фернсби, блокнот и карандаш.

– Ну что ж, мистер Фернсби, давайте обсудим ваш дом.

Глава 3

2 декабря 1820, Лондон, Англия

– Вам письмо, лорд Хогвуд.

Сайлас моргнул и отвернулся от серого заснеженного пейзажа за окном. Он и не помнил, когда встал со стула и подошел к нему, но Сайлас взял с собой чашку чая, а тот уже был едва теплым. Обернувшись, юноша увидел своего дворецкого (когда-то он был дворецким отца), ожидающего ответа. Кремовый конверт лежал на серебряном подносе в его руках. Он повернул его так, чтобы Сайлас мог видеть печать. Королевскую печать.

Сайлас взял письмо и поставил на поднос чашку, кивком поблагодарив дворецкого. Тот вышел, не сказав ни слова. Оставшись в кабинете в одиночестве, Сайлас дважды перевернул конверт, прежде чем сломал печать и прочел письмо, подтвердившее его подозрения.

Оно было от самого регента, который, будучи действующим правителем Британии, также являлся лидером Королевской лиги магов. Той же лиги, к которой принадлежала его мать, пока болезнь не вынудила ее оставить пост. Той же лиги, что изгнала его отца судьбоносной ночью.

– Личное приглашение, – прочитал он вслух. Ему уже было восемнадцать. По правде говоря, Сайлас удивился, что приглашение не пришло в день его рождения. Родословная его семьи была почти столь же впечатляющая, как у регента. Чары хаократии, изменения, некромантии, предзнаменования и кинеза текли по венам Сайласа. А на один краткий миг у него было даже больше. Он знал, что было, но смерть отца забрала у него эти одолженные способности.

Исследований этого феномена не было – Сайлас искал прилежно. И скрытно, так как он не хотел привлекать к себе нежеланного внимания. Для семьи, друзей и властей было проще верить, что Генри Хогвуд перепил, потеряв работу, избил сына, а затем скончался от алкогольного отравления. Но Кристиан, младший брат Сайласа, догадывался, что что-то не так. Ну, или Сайлас стал чрезмерно подозрительным. Однако лучше быть подозрительным, чем неподготовленным.

Он лишь на мгновение задумался над этим. В Королевской лиге могли храниться такие книги, которых больше ни у кого не было. Возможно, там он найдет ответы.

И все же Сайлас подошел к пылающему камину и бросил письмо в огонь вместе с конвертом. Он нагнулся ближе и смотрел, как восковая печать таяла и шипела, пока совсем не исчезла среди пепла.

– Вы меня никогда не получите, – прошептал он огню. Сайлас все еще носил на себе шрамы, которые оставил отец, – на теле и на душе. Шрамы, которые напоминали ему о том, что было, – и чего больше никогда не будет.

Потому что никто, даже старый Король Георг самолично, не будет иметь власти над Сайласом. Никто больше не сможет его сломить.

И Сайлас был готов сделать что угодно, чтобы это сбылось.

Глава 4

6 сентября 1846, остров Блаугдон, Род-Айленд

Мерритт опустился на стул напротив Хюльды – мисс Ларкин – *миссис* Ларкин, поражаясь, глядя на нее. Два дня назад он бы счел весьма странным, что незнакомка вдруг объявится у его дверей, войдет без приглашения и сама же проведет ему экскурсию по его дому. Но это было до того, как Мерритта чуть не сожрал злобный заколдованный дом, в котором шел дождь из фальшивой крови и настоящих крыс, а уборная едва не наделала в нем дыр.

Сейчас все вроде бы успокоилось. По крайней мере, Мерритт мог притвориться, что все спокойно, покуда вокруг него лежали защитные амулеты, а явно крайне компетентная волшебная экономка заставляла комнаты без пола и петли из паутины казаться обычным делом. А еще у нее была визитка. Да кто он такой, чтобы в ней сомневаться? Мерритт отчаянно нуждался в помощи. И к тому же она вернула его бумажник.

Писатель мог бы счесть все это отличным материалом для книги, если бы дом не присвоил его тетради.

И уборная. Да поможет ему бог, но он намерен больше никогда не испражняться.

Хюльда Ларкин писала что-то при свете фонаря, и у него появилось время изучить комнату. А когда он закончил с этим, он принялся изучать *ее*. На вид Хюльде было за тридцать, и она немного походила на училку, с этим ее серо-зеленым платьем с высоким воротничком и суровым орлиным носом, который, пожалуй, был самой выдающейся ее чертой. На носу сидели изящные очки в серебряной оправе – самые изящные, что Мерритту доводилось видеть, как будто специально подобранные так, чтобы быть как можно незаметнее. Ее темно-каштановые волосы были собраны кверху просто, но вместе с тем модно, а несколько кудряшек касались скул. Скулы были высокие и подчеркивали ее раскосые глаза, в то же время соответствуя квадратной форме ее челюсти.

Она подняла на него взгляд. Глаза у нее были то ли коричневые, то ли зеленые; он сидел слишком далеко, чтобы сказать наверняка, а во время их приключения в уборной цвет ее глаз волновал его меньше всего.

– Я установила, что дом придерживается магии изменения и хаократии, что объясняет, – она повела рукой вокруг, – некоторую жестокость колдовства.

– Смена формы и разрушение. Какая прелесть. – Магия до сих пор не была частью его жизни, хотя Мерритт достаточно помнил со школьных времен. Изменение подразумевало какие-то преобразования, будь то изменение предметов, самого себя или других заклинаний. А хаократия – это просто полный бардак.

– Более или менее, – согласилась Хюльда. – Что ж, теперь встает вопрос найма персонала.

Мерритт поднял руку, останавливая ее, и снова достав визитку, рассмотрел ее простой, четкий шрифт.

– Так ваш институт, БИХОК, – странная аббревиатура, – это укротители магии?

Легкая складка обозначилась между бровей Хюльды.

– БИХОК выпускает искусных сотрудников, которым прививают специальные навыки по уходу за очарованными домами и управлению оными.

Его губа дернулась.

– Вы говорите как словарь, миссис Ларкин. Причем словарь британский, хотя акцент у вас неправильный.

Услышав такое мнение, она задрала нос:

- Я не стану извиняться за то, что получила хорошее образование.
- В Лондоне?
- Возможно.

Сказать по правде, разговор с другим человеком *о чем угодно* помогал ему почувствовать себя лучше в этой ситуации. И, может, он был не в себе, если всерьез обдумывал возможность здесь остаться, но он и правда хотел, чтобы ситуация улучшилась. По меньшей мере, про это место можно написать потрясающий роман, ну и возвращаться ему было особенно некуда. В нью-йоркскую квартиру ход ему теперь был заказан, и Мерритту пришлось бы посвятить все свое время поиску другого жилья. А он бы предпочел писать.

– И что же делает вас *искусной*? А вы искусны, не поймите меня неправильно. – Он убрал визитку в карман. – Но вы что – волшебница, или вроде того?

Хюльда длинно выдохнула через нос.

– Если вам так важно знать, я – провидица.

Он моргнул. Мерритт задумывал свои слова как шутку – кровь магов за многие годы так часто смешивалась с обычной, что теперь было трудно встретить кого-нибудь с особыми способностями. Большинство историков придерживались мнения, что магия пришла к людям «на изломе мира», и связывали это с жизнью Христа, учитывая, что было одиннадцать магических школ – как раз по числу апостолов, если отбросить Иуду. Магия переходила по наследству, но каждый раз ослабевала, разделяя между потомками чары и способности, покуда уже нечего было делить. Лишь целенаправленное скрещивание сохранило магию в Средние века, в основном в аристократических кругах. И действительно, английские монархи были одними из сильнейших чародеев в мире.

Магия прирастает от магии, так что мать-чародейка и отец-чародей могли усилить свое магическое наследие, передав его потомку-чародею. Однако магия была уже настолько разбавлена, что большинство обладателей дара получали свои способности либо в результате договорного брака родителей, либо по чистому везению. В наши дни и у тех, и у других способности были сильно ограничены.

Если Мерритт правильно помнил, провидение – это первая школа магии.

– Так вы мне предскажете судьбу? – спросил он.

Хюльда лишь взглянула на него, как утомленная гувернантка.

– Вернемся к дому, мистер Фернсби. Я настоятельно рекомендую нанять штат прислуги. Чтобы успешно управляться с таким домом, вам понадобятся горничная и кухарка, как минимум.

Он откинулся на спинку стула.

– А вы что, не готовите?

Сложив руки поверх папки, она резко ответила:

– Мистер Фернсби, будь мы сейчас в Англии, я могла бы возмущенно ахнуть, услышав такое предположение.

Он на это лишь ухмыльнулся, хотя Хюльда веселой не выглядела.

– Прислугу специально подготовят для работы в этом доме, – продолжила она. – Чем больше людей будут управляться с магией, тем комфортнее станет ваше жилище.

Мерритт нахмурился.

– Это неприемлемо? – спросила Хюльда.

Он задумался, прежде чем ответить:

– Я прекрасно понимаю, что не знаю, как сдерживать... все это. – Он указал на дальнюю стену, по которой, поскрипывая деревом, прошла тень. – Но... Я жил сам по себе больше десяти лет. Я умею стирать и готовить. Мне будет... странно, если незнакомые люди станут делать это за меня. Ну, это если предположить, что я смогу себе такое позволить.

Хюльда поглядела на него поверх серебряной оправы своих очков:

– И когда же, с момента прибытия, вы могли успеть заняться подобными вещами?

Он помедлил:

– Я... Я ничего этого не делал. – Он даже толком не спал.

– Уход за этим домом станет приоритетной задачей БИХОКа, включая большую часть денежных выплат, – продолжила она. – Мы хотим, чтобы он просуществовал еще многие поколения. Зачарованные дома – это вымирающий вид.

Уход за домом, а не за жильцом, чуть не сказал Мерритт, но вовремя прикусил язык. Он вздохнул:

– Ну, допустим, я пойду вам навстречу в вопросе прислуги. Мне на жизнь хватает, но состоятельным человеком меня точно не назовешь.

Она снова открыла папку.

– И каков ваш род деятельности?

– Я писатель.

Она лишь кивнула и записала это. Забавно. Он уже привык, что люди, узнав о его профессии, начинают задавать разные вопросы. Такие как «А что вы пишете?», «А вас печатали?», «Вы ведь не политический обозреватель, верно?»

– Содержание и защита очарованных жилищ очень важны для БИХОКа, – ответила Хюльда. – Институт предоставит вам мои услуги на столько, на сколько понадобится. Моя диагностика поможет разобраться с буйными чарами. Учитывая размер дома, большой штат прислуги не потребуется.

Что-то застонало на первом этаже, и Мерритт тут же поменял свое мнение. Пытаясь игнорировать тени, он спросил:

– А вы часто работаете в маленьких домах?

– Я лично работала лишь в одном постоянном сооружении меньше этого. – В этот момент миссис Ларкин подняла взгляд, но посмотрела не на него, а на пятно на ковре или куда-то чуть дальше. Тоскливое выражение промелькнуло на ее лице, но тут же исчезло. Мерритту стало интересно, что такое она вспомнила?

– А какой дом был самым большим?

Хюльда выпрямилась, будто на миг забыла, что он здесь.

– Поместье под Ливерпулем, – отрезала она. Вынув лист бумаги из папки, Хюльда закрыла ее и убрала, а затем вручила листок Мерритту.

Он наклонился вперед, чтобы взять его.

– Что это?

– Мое резюме. Я бы хотела лично наблюдать за этим домом, пока вы не освоитесь. Экономка вам потребуется, если только вы не найдете владеющую магией горничную.

Резюме было очень длинным, а шрифт – очень мелким.

– Жалование мне будет выплачивать БИХОК, но потребуются жилье и пропитание.

Он опустил резюме.

– Вы переезжаете ко мне?

– Только если вы этого хотите, мистер Фернсби, но я вам настоятельно рекомендую не возражать.

Он снова посмотрел на резюме, затем на нее.

– Простите, я все еще не могу поверить, что в этом месте можно жить.

Хюльда выгнула бровь:

– Вы сомневаетесь в моих способностях?

Мерритт покачал головой:

– Что вы! Но я не знаю, как вы сможете перевезти сюда свои вещи, если дом вас не выпустит.

– Это мы еще посмотрим.

Он кивнул.

– Но да, если вы сможете приструнить этого монстра... конечно, я от помощи не откажусь. Я... вот-вот окажусь в затруднительном положении с жильем, – господи, да я уже в нем.

Он посмотрел на стены и проигнорировал мурашки, побежавшие по рукам.

– И... ну, не хотелось бы, чтобы дом и земля пропали даром.

Хотя, если честно, если бы чары не держали его взаперти, он мог бы спалить здесь все дотла и сбежать назад в Нью-Йорк. Но увидев, как Хюльда может управляться с этим местом и как спокойна она во время работы, Мерритт почувствовал надежду на будущее. Может, это было благословением. Может, это могло превратиться во что-то чудесное.

Подумать только: Мерритт станет домовладельцем. Землевладельцем. Он разбогатеет и заживет хорошей жизнью. Напишет новую книгу, а потом еще одну.

Пол содрогнулся. Мужчина ухватился за подлокотник.

– Отличный выбор. – Хюльда подняла амулеты и встала, надевая свой на шею и протягивая другие два Мерритту. – Оставьте себе. Но будьте с ними поосторожнее. Они дорогие.

Мерритт кивнул.

Миссис Ларкин уверенно пошла к двери, хотя ей и пришлось снова воспользоваться ломом, чтобы ее открыть, а потом в ход вновь пошел зонтик, чтобы они могли пройти под дождем из... краски. Амулет на лестнице удержал перила на месте. Мерритт старательно глядел Хюльде в затылок, чтобы не видеть, как портрет в приемной смотрит на него.

К его удивлению, дом позволил Хюльде открыть дверь, и стало видно вечернее солнце... прекрасное солнце. Оно заполнило приемную и прогнало тени, и Мерритт впервые с момента приезда вздохнул легко.

Хюльда сперва ткнула за порог своим зонтиком, затем, сжав рукой амулет, вышла сама. И ничего не произошло.

Он сделал глубокий выдох.

– Слава богу.

Но в тот самый момент, когда он попытался последовать за ней, дверь хрустнула и сжалась до размеров его туловища, не давая выйти.

Мерритт чуть не разрыдался:

– Да будь ты проклят! – Он прижал один из амулетов к двери. Миссис Ларкин никак не отреагировала.

– Не мучайте дом, мистер Фернсби, – предупредила Хюльда, проведя рукой по сжавшемуся косяку. – В этих стенах очень много магии, и по каким-то причинам она не хочет, чтобы вы выходили.

Хюльда похлопала по сузившейся двери.

– Проползать через нее я бы вам тоже не советовала.

В голове Меррита нарисовалась жуткая картина собственного тела, разрезанного пополам, и мужчина содрогнулся.

– Дело в том, – сказал он, – что я приехал лишь оценить это место. Я не взял с собой вещи, только небольшой чемодан.

Хюльда постучала пальцем по подбородку.

– У меня в досье есть ваш текущий нью-йоркский адрес. Я прослежу, чтобы ваши вещи доставили. На то, чтобы это организовать и собрать свои собственные вещи, мне понадобится два дня.

Два дня.

– Я столько не проживу.

– Будьте добры к дому, – сказала она. – И не снимайте амулет.

Хюльда задумалась.

– Может, управлюсь за день. У вас достаточно еды?

Плечи Мерритта поникли, когда он вспомнил, что привез с собой.

– У меня есть немного сыра и имбирное печенье. – Ну, по крайней мере, от голода он не умрет. Мужчина погрузился в раздумья.

– Подождите, вы не могли бы кое-что отправить по почте? – Мерритт начал письмо своему другу Флетчеру, проживающему в Бостоне, в своем блокноте, но тот сейчас был под ковром...

– Разумеется.

Когда он не сдвинулся с места, Хюльда вытащила свой блокнот из сумки и перелистнула его на пустую страницу, прежде чем вручить Мерритту. Он испытывал огромное искушение прочитать, что миссис Ларкин там написала, но... сперва дело.

Облокотившись о дверной проем, он написал поспешное письмо, сообщая другу о своих затруднениях, хоть и выставил все в довольно легкомысленном свете. Дурная привычка. Мерритт подписал письмо, сложил его и вручил вместе с блокнотом обратно Хюльде.

– Пожалуйста, поторопитесь, – взмолился он.

– Я никогда не тяну время, – сказала она, задирая нос. Но взгляд ее смягчился. – И, конечно же, я постараюсь вернуться завтра к вечеру.

Хюльда собралась уходить, но остановилась и снова повернулась к нему. Порылась в сумке и вытащила оловянную коробку для ланча. Она передала ее через сжавшуюся дверь, не говоря ни слова, а потом пошла в сторону берега.

Внутри лежали яблоко и сэндвич с ветчиной.

Мерритт сел на пол и начал есть, а входная дверь захлопнулась.

Глава 5

7 апреля 1827, Лондон, Англия

Мать Сайласа умирала.

Она уже два дня не открывала глаз. Дыхание ее было хриплым и поверхностным, лицо осунулось и побледнело.

Это не стало неожиданностью. Она постепенно угасала уже многие годы. Ее свет стал таким тусклым, что Сайлас иногда сомневался, что заметит, когда он совсем погаснет.

Но в глубине души юноша знал, что заметит.

Сжимая и разжимая кулаки, он взглянул на дверь материнской спальни. Кристиан только что вышел. Сайлас отпустил слуг и запер за ними дверь. Его мать не доживет до конца недели. Может, даже до конца дня.

Вероятно, было даже милосердием испытать это на ней.

В январе Сайлас обнаружил зачарованный коттедж в Котсволдсе: простой домик, снабженный чарами стихий, позволяющими контролировать воду. В нем жил старик, который не возражал или не замечал, что Сайлас крутится в окрестностях. Вновь переживая ту ночь с отцом, Сайлас перебирал все чары в своей крови – и выделил именно ту комбинацию, которая позволяла *брать*. Некромантия, чтобы контролировать жизненную силу... Дом, конечно, живым не был, но магия-то была. Хаократия, чтобы разбить и перестроить магию. Кинез, чтобы перенести ее из сосуда в сосуд – из дома в него. С отцом этот процесс был яростным и быстрым. С домом был просчитанным и осторожным.

И это сработало.

Дом не был живым существом, а значит, не мог и умереть. Тот коттедж в Котсволдсе все еще стоял и простоит довольно долго. Так что пусть смерть отца и отобрала его чары у Сайласа, силы водной стихии его лишит никто не мог. А что касается жильца... Современная сантехника или горничная вполне компенсируют то, что он потерял.

А теперь одна из сильнейших некроманток Англии умирала в своей постели перед ним. И магия, специально выведенная и культивированная, умрет вместе с ней.

Если только новая теория Сайласа не подтвердится.

По отцовской линии Сайласу досталось одно заклятье изменения – способность сгущать и сжимать. Коттедж дал ему способность контролировать воду. Он опробовал ее снова и снова, наедине с собой, и был уверен, что сможет ее сейчас применить.

Магия была привязана к телу. Значит, если он сможет сохранить тело, магия будет жить. В какой-то степени его мать продолжит жить. В нем.

Сайлас снова взглянул на дверь. Прислушался. Никаких шагов в коридоре не раздавалось. Он посмотрел на старые часы на каминной полке. Секундная стрелка была слишком громкой.

Сняв перчатки, Сайлас в последний раз посмотрел на свою мать, прежде чем возложить на нее руки, одну на лоб, а другую – на грудь. Сперва некромантия. Он тщательно сплетал заклинание, отыскивая ее магию, собирая ее, удерживая. Потребовалось гораздо больше времени, чем с отцом. Возможно, потому что у нее магии было гораздо больше, но в ходе своего эксперимента с коттеджем Сайлас также осознал, что той ночью возле конюшни украл лишь малую часть отцовской магии. Чтобы собрать все материнские способности, ему понадобится время.

Он снова взглянул на дверь, когда на него накатила тошнота – ответ на некромантию. Мог ли кто-то войти, несмотря на его приказ? Проверить замок? А если придет Кристиан, как он это объяснит?

Сосредоточиться. Секундная стрелка все *тикала, тикала и тикала*. Сайлас переключился на хаократию и отделил материнскую магию – бóльшую ее часть он унаследовал, так что было проще. Здесь ему действительно нужно было сосредоточиться, потому что хаократия вызывала замешательство, а если он дрогнет, может навсегда потерять ее силу. Прошло слишком много времени, прежде чем Сайлас почувствовал, что готов переключаться на кинез, чтобы перенести магию. Суставы его деревенели тем больше, чем дольше он удерживал чары. От напряжения пот выступил у юноши на лбу, но...

Да. Его тело задрожало, когда новая магия загорелась в нем, усиливая уже существующие чары, давая ему те, которых он не унаследовал. Тошнота нарастала. На чем он остановился? *Сосредоточиться.* Он должен закончить. Должен...

Мама. Но она все равно умирала. Сайлас напомнил себе, что она уже и так была не жилец.

Вода. Сжать. Сгустить. Рот юноши пересох, пока он работал, и натужный стон вырвался из горла матери. Сайлас почувствовал, как его плечи изменяются по мере того, как тело матери понемногу сжималось и стягивалось, становясь серо-зеленым. Его кости увеличивались и давили изнутри, в то время как ее истончались и усыхали, покуда чары больше ничего не могли из нее вытянуть.

Моргая пересохшими глазами, Сайлас собрался с мыслями. Вспомнил, где он сейчас. Что делает. Часы на каминной полке показывали... но, конечно же, не могло пройти два часа...

Его мать было не узнать. Она не была похожа не то что на себя – на человека. Ее тело стало темным и омерзительным, длиной с руку Сайласа, и сморщенным, как пальцы после многочасового купания. Ее конечности втянулись в туловище, оставив снаружи что-то вроде плавников. Лицо провалилось внутрь и на нем нельзя было различить ни единой черты.

А новые чары, ее магия, все еще ослепительно горели внутри него.

Он это сделал. Резкий смех вырвался из горла. *Он это сделал.*

Шаги в коридоре вернули его в реальность. Он схватил мать и завернул ее в одно из чистых полотенец, что лежали возле кровати. Расстегнул верхние пуговицы пальто, чтобы скрыть свои деформированные плечи – этот побочный эффект со временем пройдет, но если кто-то их заметит, сразу поймет, что Сайлас что-то сделал. Идеально рассчитав свой побег, он бросился напрямик в винный погреб, где мог спрятать мать и получше ее сохранить.

Вернувшись, ему придется разыграть шок и оторопь от того, что тело пропало. Он никогда и никому не сможет объяснить, что сделал.

Никто не поймет.

Глава 6

7 сентября 1846, остров Блаугдон, Род-Айленд

Пока Мерритт ждал, положив амулеты рядом, – писатель снял их с шеи, потому что его начало из-за них подташнивать, – он перечислял сам себе все преимущества жизни на острове Блаугдон.

Никакой больше арендной платы. Никаких арендодателей. Никаких надоедливых соседей. Собственный кабинет для работы. Много места. Много книг, которые можно будет прочитать, как только они перестанут на него кидаться. И остров был прекрасен, пусть даже Уимбрел Хаус и не давал ему им насладиться.

И уж точно ему не будет скучно.

В сущности, этот дом был испытанием, а преодолевать испытания – значит делать прогресс, а прогресс – это, насколько Мерритт знал, успех. Прогресс – это что-то, чего он мог добиться сам, независимо от того, что потерял – или кто его бросил – по пути.

Наверху что-то сдвинулось. Мерритт задумался, а не вернулась ли вниз комната для завтраков. Прошлой ночью она переехала наверх, поменявшись местами с бездонной пропастью первой спальни.

Спал Мерритт в приемной.

Надев амулеты, он потащился на кухню, чтобы взять нож, изо всех сил надеясь, что дом не направит его против него самого, и был весьма удивлен тем, как спокойно было вокруг. Тени все еще таились по углам и заглушали свет из окон, но в целом было... он бы не сказал мирно, но терпимо.

И все же, осторожно поднимаясь по лестнице, Мерритт ощущал, что дом следит за ним.

Дыши глубоко. Она сегодня вернется. Было куда приятнее находиться в этом месте с другим человеком, особенно с таким, кто понимал дом гораздо лучше, чем он сам. Но было интересно думать, что Хюльда Ларкин будет, по сути, его соседкой.

Мерритт, конечно же, не будет ее так называть. Не в лицо. Ему представлялось, что его за такое отчитают.

Войдя в самую большую спальню, он остановился, привыкая к солнечным лучам, бьющим в окно, легкому запаху пыли и общей приятности комнаты.

– А знаешь, – сказал он потолку, отходя подальше от двери, на случай если она снова надумает захлопнуться, – мы бы отлично поладили, если б ты все комнаты сделал вот такими. Я бы даже сорняки снаружи повыдергивал.

Дом не ответил.

Сглотнув, Мерритт приблизился к бугру под ковром.

– Мне нужны мои книги.

Хюльда говорила с домом, так почему бы и ему не попробовать?

– Мне очень важно получить их обратно. У меня там рукопись и заметки. – Он встал на колени. – Я буду резать очень ровно, хорошо? Раз – и все.

Он прикоснулся ножом к коврику. Задержал дыхание. Подождал. Схватился другой рукой за амулет, висящий на шее. Хюльда не велела долго его носить, но жить Мерритту тоже нравилось.

Так что...

Воткнув нож в ковер, он сделал разрез ровно такого размера, чтобы можно было вынуть книги. Пока вытаскивал, у него было ощущение, будто он помогает родить корове. Метафора

была значимая, потому что однажды он и правда помогал корове разродиться. В Кэтлкорне, после того как переехал к семье Флетчера.

Он вздохнул, когда вынул последнюю тетрадь и расправил ковер. По виду даже и не скажешь, что его резали.

Мерритт не замечал, что ящик комода подбирается все ближе, пока тот не оказался практически у него под подбородком.

Завопив, Мерритт отшатнулся назад в тот момент, когда ящик захлопнулся, не попав по лицу, но зажав шарф, что он носил на шее. Тот не был туго завязан, так что вместо того, чтобы задушить Мерритта, он просто соскользнул.

Кровь Мерритта закипела.

Только. Не. Шарф.

– А ну отдай! – Он бросился на комод, который поплясал прочь на внезапно очень подвижных изогнутых ножках. Забыв про тетради, Мерритт рванул в погоню. Комод не мог пролезть в дверь, так что он...

Дверь раздвинулась, как змеиная пасть, позволяя комоду пройти.

– Нет! – рявкнул Мерритт, хватаясь за его крышку. Комод вытянул его вслед за собой в коридор. – Пожалуйста, остановись! Бери, что захочешь! Забирай тетради! Только отдай мне шарф!

Ящик с шарфом выскочил из комода. На долю секунды Мерритту показалось, что проклятый дом к нему прислушается.

Но ящик просто прытко пополз дальше, используя ручку, как мидия – ногу, и поспешил к лестнице, оставляя комод преграждать дорогу Мерритту.

– ДОМ! – Он перевернул комод и перепрыгнул через него. – Я серьезно! Верни его!

Ящик скатился по обездвиженным амулетом ступеням.

Глаза Мерритта щипало, когда он схватился за перила и бросился следом, чуть не свалившись с лестницы.

Ящик удирал в столовую через приемную.

Паника душила Мерритта. *Только не шарф! Только не шарф! Только не шарф!*

– Пожалуйста! – закричал он, врываясь в столовую, когда ящик въезжал в комнату для завтраков. – Это все, что у меня от нее осталось. Я что угодно сделаю! Я уеду! Вернись в Нью-Йорк!

Мерритт прыгнул в теперь ярко освещенную комнату для завтраков, ударившись ребрами о пол. Кончиками пальцев он задел ящик, но тот выскользнул из его хватки. Мерритт стукнулся плечом о стол, пока вставал, и побежал за ним в кухню.

– Дом, стой...

Подоконник отделился от стены, и ящик швырнул разноцветный вязаный шарф в открывшийся проем, который, словно большой рот, проглотил его.

Несколько мгновений Мерритт ничего не делал. Он просто стоял там, рядом с трехногой табуреткой, его грудь вздымалась, а глаза были широко распахнуты. Они смотрели прямо перед собой.

Затем писатель взревел, как викинг, и бросился к окну, врезавшись в него всем телом.

– Отдай его! *Отдай его!*

Он впился ногтями в подоконник и попытался его приподнять, но дом не поддавался. Мерритт схватил амулет, висящий на шее, и прижал его к окну, но дом по-прежнему не шелохнулся. Волшебство закончилось. Нечего было останавливать.

Ничего вокруг не видя, Мерритт повернулся к шкафчикам и, распахнув их, начал рыться внутри. Банка упала на пол и разбилась. Пустой мешок из-под муки. В воздух полетели ложки, спички и флакон кислоты, старая лампа, молоток для мяса...

Мерритт взял последний и со всей силы впечатал его в подоконник, пытаясь его отломать. И пусть этот молоток был создан не для того, чтобы им лупили по дереву, он отлично справлялся.

Стена содрогнулась и оттолкнула писателя, он упал на пол. Мерритт больно ударился бедром, а молоток вылетел у него из рук – прямиком к очагу.

Поморщившись, Мерритт поднялся и нашел взглядом почти пустой флакончик серной кислоты.

Ее использовали, чтобы поджигать хлорид калия на концах спичек.

Он схватил и то, и другое, потом подобрал пустой мучной мешок.

– Проверяешь меня? – вскипел он. – Ладно.

Он окунул спички в кислоту, поджигая их. Огонь тут же охватил мешок из-под муки.

Который Мерритт затем бросил в пустой шкафчик.

Пламя лизнуло его стенки. Какое-то мгновение казалось, что шкафчик не загорится.

А потом он загорелся.

Весь дом содрогнулся. Звуки бьющегося стекла и корежащегося металла ворвались в уши. Пол заворчал и раскрылся, направив в кухню поток болотной воды, гася и пачкая шкафчики.

Но дом на этом не остановился. С чего бы?

Провал в кухне дернулся в стороны, расширяясь, и проглотил Мерритта целиком.

* * *

Мерритт застонал. Холод просочился сквозь одежду и под кожу. Его голова и спина болели, но... Нет, он все еще дышал. Просто не сразу вспомнил, как это делается.

Рука его коснулась сырой, темной земли. Другая нащупала амулет, все еще надежно висящий на шее. Мерритт лежал навзничь, таращась на дыру в полу кухни. Думал, почему она вообще все еще открыта? Может, амулет не дает дому закрыть от него проход? Может, дом еще пытается оправиться от собственных ранений?

А может, Мерритту все равно.

Закряхтев, он принял сидячее положение. Пульс больно стучал в висках. Ощупав голову, а потом и шею, Мерритт проверил наличие ран. Кажется, только ушибы. Ушибы серьезные, но ушибы не убивают.

Раньше его ничто не *убивало*.

Опершись локтями о колени, Мерритт спрятал лицо в ладонях. Сфокусировался на дыхании. *Вдох, выдох. Вдох, выдох.* Он долго сидел вот так, пытаясь подавить злобу и боль. И как только он решил, что наконец справился, что наконец исцелился, все в нем снова вскипело. Что-то всегда заставляло Мерритта вспоминать, и он это ненавидел, потому что болело ничуть не меньше, даже столько лет спустя.

Писатель дышал, пока грудь не перестало сжимать. Пока легким не стало немного проще. Тогда он медленно встал, проверяя наличие других ран, и, к счастью, обнаружил лишь ушибы. Мерритт провалился где-то на одиннадцать или двенадцать футов⁹.

Хорошие новости: в его доме есть погреб.

С этой мыслью он огляделся в поисках тел. Человеческих, крысиных или еще каких. Но здесь не было ничего, кроме грязи, корней и капающей воды.

– Ну ладно, – пробормотал мужчина сам себе. – Шаг первый – вернуться в дом.

Если тот не убьет его при подъеме.

⁹ Около 3,5 м.

К сожалению, Мерритту было особо нечем воспользоваться, чтобы забраться наверх. В стенах были какие-то доски, но не под дырой. Камней не хватило бы, чтобы построить башню. И Мерритт уж точно не смог бы подпрыгнуть так высоко. Он же был писателем, а не спортсменом.

Вздыхнув, мужчина провел рукой по волосам и поморщился, почувствовав скользкую грязь на лбу. Он обошел по периметру темное – а после заката станет еще темнее – помещение в поисках чего-нибудь, что могло бы ему помочь. Нашел колотушку для мяса и две спички, которые без кислоты были ни к чему.

Мерритт попытался карабкаться. Он правда попытался. Воспользовавшись деревянными частями фундамента, уперся ногами в грязь и попробовал залезть по неровностям стен под полом. Он попробовал – и упал. Попытался снова и упал еще больней, заработав новый синяк. После четвертой попытки писатель не встал. Мерритт сел, положил локти на колени и просто дышал.

– Ты можешь что-нибудь спустить? – спросил он у дома, в его голосе слышалось напряжение. – Прости, что поджег тебя. Я просто хотел его вернуть. Я должен его вернуть.

Дом не ответил.

В горле встал комок.

– Если уж ты собираешься держать меня здесь, все равно не отдашь?

Было глупо торговаться с волшебным домом, который он только что пытался поджечь. Мерритт знал, что это глупо. Шарф был старый. Начал обтрепываться по краям. Но это все, что у него от нее осталось. Его сестра Скарлет связала ему этот шарф на Рождество перед... перед тем, как все случилось, и с тех пор Мерритт ее не видел. И он смирился, что никогда не увидит.

Он так и не смог попрощаться. Ни с кем из них.

Игнорируя грязь, Мерритт прижал кулаки к глазам. *Выдохнуть. Вдохнуть. Выдохнуть.* Это все, что у него от нее осталось. От Беатрис не осталось ничего. Сможет ли он ее вообще теперь узнать? Она, наверное, замужем, с детьми. *Детями.* У Мерритта были племянницы и племянники, которые, возможно, даже не подозревают о его существовании. А он не знает их. И, будь все проклято, он должен был их найти, потому что они все еще его семья, разве нет?

Но что, если... что, если Беатрис тоже его ненавидит?

Мерритт рассмеялся. Прижал руки плотнее к глазам и рассмеялся. Было несмешно. Скорее безумно. Но он предпочитал смеяться, а не плакать. Так всегда было.

Это – тяжелая минута. Он это понимал. Но не самая тяжелая в его жизни, а оттого стало немного легче. Лишь немного, но и на том спасибо.

Мерритт недолго посидел вот так, думая и пытаясь не думать, пытаясь отпустить шарф, понять, как выбраться. Он снова попробовал вскарабкаться. Снова не получилось.

Может, здесь, внизу, не было скелетов, потому что он должен стать первым.

* * *

Каким-то образом Мерритт умудрился задремать. Задремать, не заснуть, потому что он едва ли услышал скрип, если бы крепко спал.

Усевшись, Мерритт отметил, что солнце окрасило кухню наверху в огненно-рыжий цвет, а значит, вечерело. Он жадно прислушался, а затем поник, осознав, что дом, скорее всего, снова играет в свои игры, скрипит, сгущает тени, двигает стены. Но скрип превратился в шаги, которые двигались к *нему*, и Мерритт вскочил на ноги в тот же момент, как услышал женский вздох наверху.

– Что, во имя всего святого, случилось?

Он возвел глаза к небесам, почувствовав, как облегчение окатило его.

– Миссис Ларкин, у вас голос ангела!

Скрипы и шаги приближались, теперь медленнее. Затем остановились. Сверху зажегся новый свет, наверное, от этой ее зачарованной лампы, и десять пальцев сжали края расщепленных досок пола. Следом в проломе показалось лицо Хюльды.

Она широко распахнула глаза:

– Мистер Фернсби! Что вы там делаете?

С облегчением вздохнув, Мерритт сунул грязные руки в грязные карманы.

– Мы с домом, видите ли, немного повздорили. Полагаю, я сейчас отбываю наказание.

Она моргнула. Поправила очки.

– Не желаете объяснить, что произошло?

Он не желал, но все равно объяснил, стараясь не углубляться в детали.

Хюльда цокнула языком.

– Я вижу этот ящик. Но, право же, мистер Фернсби, я ведь просила вас не мучить дом.

Дом застонал, будто соглашаясь с ней.

– В свое оправдание могу сказать, – Мерритт старался сохранять непринужденный тон, – что он первым начал.

Экономка постучала ногтями по дереву.

– Давайте посмотрим, смогу ли я вас вытащить.

Она исчезла.

Сложив ладони рупором, Мерритт закричал:

– А вы не можете его магически заблокировать или что-то такое?

Где-то в стороне она сказала:

– Вы сейчас под домом, мистер Фернсби. А пространство снизу не заколдовано, и я не могу убедить дом протянуть вам руку помощи. Ну или... *доску* помощи, что ли.

Ее голос звучал все тише и тише, и вот уже Мерритт ее больше не слышал. Он прождал четверть часа, прежде чем она вернулась.

Хюльда села на пол рядом с дырой.

– К сожалению, я не сообразила привезти с собой веревку.

По ее тону Мерритт не мог понять, считала ли она всю эту ситуацию до нелепого смешной или воспринимала ее крайне серьезно.

– Но даже если бы привезла, я все равно не уверена, что смогла бы вас вытянуть. Надеюсь, карабкаться вы умеете.

Его плечи и локти болели от предыдущих попыток.

– О, я определенно пытался.

В дыру опустилась простыня, привязанная к другой, а потом и к третьей. Эта женщина, видимо, сняла белье с постелей наверху. Удивительно, что дом это позволил, а не просто-напросто столкнул и ее в погреб.

Простыни достали до него, и Мерритт подождал, пока Хюльда найдет, к чему привязать другой конец. Однако он быстро понял, что лезть вверх по простыням – очень сложное дело. Вот спуститься по ним было бы возможно, а хвататься было особенно не за что, если не считать узлов, но когда он добрался до первого, совсем запыхавшись, тот развязался и уронил его обратно в грязь.

– Вот ведь, – пробормотала Хюльда.

– Давайте я еще попробую, – предложил Мерритт.

Хюльда стала спускать простыни, пока он не дотянулся до второй и не привязал к ней первую встречным узлом. Держалось куда прочнее, но писатель был просто не в состоянии подтянуться вверх по этим чертовым простыням, а Хюльда, хоть и пыталась, не смогла затащить его в кухню.

Мерритт стоял в погребе, положив руки на бедра. Он выкопал неглубокую могилку для своего нарастающего отчаяния и наскоро его зарыл:

– Ну, это была хорошая попытка.

Хюльда вздохнула:

– Я чувствую, что это я виновата. Нужно было не уезжать, а отправить послание.

– Тогда мы бы, наверное, оба сейчас здесь сидели.

Она фыркнула.

– Как будто я бы подпустила вас к спичкам! О, – она снова исчезла, в этот раз лишь на мгновение, – держите.

Она протянула вниз какой-то сверток. Мерритт и не сознавал, насколько голоден, пока не увидел, что в нем лежит сэндвич.

Он мигом его съел.

– Спасибо.

– Я также привезла продукты и счет за упаковку и доставку ваших вещей. Ваш арендодатель был довольно уступчив. Мои оставшиеся вещи доставят завтра. Сундуки и все прочее. – Она пожевала щеку. – Может, если вы снимете амулеты, мы бы смогли...

– Нет.

Она нахмурилась, глядя на Мерритта.

– Я начинаю опасаться, что вас из этой ситуации выручит только магия, мистер Фернсби. И, как я уже говорила, дом не имеет власти за своими пределами, а вы сейчас находитесь снаружи. Он, вероятнее всего, ничего не может сделать.

– А может уронить одну из потолочных балок мне на голову и закончить то, что начал, – возразил Мерритт..

Покачав головой, Хюльда сказала:

– По крайней мере, вы теперь осознали, как важна грамотная прислуга, верно?

– Да, – его голос стал тверже. – Поскольку я намереваюсь падать в ямы регулярно, было бы кстати иметь в услужении нескольких магов, способных меня из них доставать.

– Не нужно так об этом говорить, – возмутилась Хюльда. – Работа прислугой – это лучший способ для обездоленных повысить свой статус и заработать неплохие деньги для себя и своих семей.

Мерритт швырнул обертку от сэндвича в грязь.

– Вы говорите как политик.

– А вы, похоже, наслаждаетесь тем, что подмечаете мои причуды.

Миссис Ларкин подтащила поближе свою сумку и стала в ней рыться, но Мерритт уже знал, что там не найдется ничего полезного.

– Несмотря на текущие затруднения, – продолжила она, – мы вас вытащим. А тем временем я спущу вниз одеяло и еду. Мои грузчики придут завтра, и мы заручимся их помощью.

– А может, они еще и входную дверь выломают?

Хюльда закрыла сумку.

– Дому просто нужна твердая рука. Уверю вас, немного времени и усилий – и здесь вполне можно будет жить...

– Миссис Ларкин.

Она посмотрела на него.

Потянув себя за кончики волос, Мерритт спросил:

– Почему это для вас так важно?

Она ответила не сразу:

– Почему для меня так важно что?

– Этот дом. Чтобы я остался. Все, – он повел рукой, – вот это.

Хюльда открыла рот, будто хотела остроумно возразить, затем снова его закрыла и задумалась. Оранжевый свет солнца угасал, а зачарованная лампа отбрасывала на стены тени – там, где Мерритт их видел.

– Магия, – осторожно начала она, – искусство умирающее. Заколдованные дома – тем более. Они критически важны для нашей истории. Они сохраняют то, что мы не можем, заклятия, давно утерянные из-за причуд генеалогии, ибо когда у магии нет смертного тела, она не может угаснуть или рассеяться. В современном мире волшебные дома – это объект бесконечных исследований как для ученых и магов, так и для историков. Это музеи нашего ремесла.

Мерритт сложил руки на груди.

– Поэтому они важны, согласен. Но почему *этот* дом важен для вас?

Хюльда ответила не сразу. Села по-другому. Какое-то мгновение Мерритту казалось, что она собирается уйти, но она не ушла. Разгладила юбки. Поправила очки. Проверила прическу.

– Потому что это – моя жизнь, мистер Фернсби, – сказала она уже мягче. – И потому что у меня нет и никогда не будет ничего другого.

Он опустил руки.

– Вы говорите ужасные вещи.

– Едва ли. Я реалист.

Он криво улыбнулся:

– Не кажется ли вам, что кто-то, обладающий магическими силами, должен – ну не знаю – *не* быть реалистом?

– То, что магия редка, не делает ее нереальной, – возразила она.

Несколько секунд оба молчали.

– Я выстроила карьеру, заботясь об этих чудесах. – Хюльда указала на кухню. – А когда чудеса закончатся, закончится и моя карьера. Я люблю то, что делаю, мистер Фернсби. И я в этом хороша. Я бы не давала вам гарантий, будь это не так.

– Я не сомневаюсь в ваших способностях.

– Правда? – спросила она, и Мерритт переступил с ноги на ногу. – Вы желаете знать, почему мне так важен этот дом? Я вижу здесь возможность. Возможность, которую нужно ухватить, приручить и превратить в прогресс.

Последнее слово привлекло его внимание. Разве Мерритт сам не думал точно о том же?

Она немного помолчала.

– Если вы откажетесь от этого дома, мистер Фернсби, каков будет ваш следующий шаг?

Он пожал плечами:

– Я мог бы передать его БИХОКу.

– Полагаю, могли бы. Мы бы нашли для него хорошего куратора. А что потом?

Мерритт встретился с ней взглядом, насколько уж мог из погреба.

– Я не знаю. Думаю, я бы стал искать другую квартиру, может, на этот раз в Бостоне. Мой издатель в Бостоне. Нашел бы тихое место, чтобы писать книгу. – Продолжал бы жить, как раньше. Но почему от этой мысли стало так тоскливо?

– Купили бы дом?

– Не знаю. – Мерритт не очень-то хотел думать об этом, уж точно не когда был продрогшим и измученным. – На это придется несколько дольше копить. Построить можно и дешевле, но тогда нужно переехать на запад, а сельская жизнь мне не очень-то подходит. Да и кинетические рельсы туда не проложены. Будет трудно ездить туда-сюда.

Его энтузиазм с каждым словом испарялся все больше.

– Дайте нам шанс, мистер Фернсби, – сказала Хюльда, лишь самую малость улыбнувшись. – Представьте себе будущее, в котором вы – хозяин дома, полного магии, на острове, пышущем жизнью. Представьте...

Она внезапно замолчала, и Мерритт вытянул шею, чтобы лучше ее видеть.

– Миссис Ларкин?

– Простите. Я просто увидела кое-что в развалинах.

Он замешкался.

– Паука?

Хюльда закатила глаза.

– Видение, мистер Фернсби. Вам, кстати, незнаком хорошо одетый темнокожий человек с короткими волосами? Кто-то, кто мог бы иметь причины прибыть на этот остров?

Облегчение нахлынуло на Мерритта, все тело разом расслабилось.

– Да, знаком, миссис Ларкин. И дай бог, чтобы он был уже рядом!

Глава 7

13 июня 1833, Лондон, Англия

– Это ноль или шесть? – спросил Сайлас, показывая гроссбух своему управляющему.

Лиджетт поправил очки.

– Ноль, сударь. Мои извинения. Я писал слишком быстро.

Сайлас кивнул и перевернул страницу.

– А что насчет...

Дверь в кабинет распахнулась – на пороге, заполняя собой весь проем, стоял растрепанный брат Сайласа. На нем не было галстука, и Сайлас задумался, чем же он занимался, прежде чем ворваться сюда? Юноша уже несколько дней ожидал этого разговора.

– Это правда? – спросил Кристиан.

Закрывая гроссбух, Сайлас махнул управляющему, который тут же собрал свои вещи под мышку, поклонился и вышел из комнаты, хотя обойти Кристиана оказалось непросто.

Решив подыграть брату, Сайлас откинулся на спинку стула и спросил:

– Что правда?

– Что ты продаешь поместье! – Кристиан вошел в комнату, быстро сокращая расстояние между дверью и столом.

Сайлас отодвинул чернильницу.

– Судя по твоему поведению, ты вполне уверен в том, что я скажу.

На лбу брата запульсировала жилка.

– Ты продаешь его по дешевке! Отбираешь у семьи! А как же твои будущие сыновья, Сайлас? А мои? И почему ты мне не сказал?

Сайлас сохранял спокойствие.

– Учитывая тот оборот, что приняла наша беседа, ты еще удивляешься?

У Кристиана отвисла челюсть.

– Ты невозможный человек. Я бы выступил вперед. Принял бы на себя твою роль. Ты мне даже шанса не дал.

Вновь обмакнув перо в чернила, Сайлас открыл гроссбух, который проверял, на чистой странице, чтобы записать числа, что еще вертелись в голове.

– Я не оставляю нас бездомными. Я намереваюсь купить другое поместье, более подходящее для наших нужд.

– Более подходящее. – Кристиан всплеснул руками. – Как? Где?

– Называется Горс Энд. В Ливерпуле.

– В Ливерпуле! – Он быстрым шагом подошел к книжному шкафу. – Это же далеко от... да от всего!

Сайлас подождал, пока цифры высохнут, прежде чем повернулся к полке позади стола, отыскивал чертежи свежеприобретенного поместья, аккуратно пристроенные между томами его энциклопедий.

– Я лично все проверил...

Кристиан протопал к нему и схватил чертежи, разложив их на своей стороне стола. Сдул волосы с лица, просматривая их. В кабинете было болезненно тихо почти целую минуту.

– Оно меньше. – Кристиан покачал головой. – Оно *старее*. Каким боком это равноценный обмен?

Потянувшись вперед, Сайлас спокойно собрал бумаги, убедившись, что сворачивает их по правильным линиям сгиба.

– Это зачарованный дом.

– И что?

И что? Какой простой вопрос. Горс Энд был волшебным домом с чарами, завладеть которыми он раньше и мечтать не мог. Чарами, которые он боялся просто взять, потому что, хоть это место и не числилось среди владений Королевской лиги магов, оно было в списках Лондонского института хранителей очарованных комнат, учреждения, с которым предыдущий жилец был на короткой ноге. Если Сайлас хотел заполучить те чары, лучший способ этого добиться – поселиться в поместье, чтобы он мог симитировать его волшебные способности, если вдруг однажды нагрянет проверка. Кроме того, где-то же ему нужно жить, верно? В Ливерпуле не будет никаких любопытных солдат, да и поместье находится далеко от всего, идеальное укрытие, пока он будет думать о будущем и выстраивать невидимые стены. В таком месте Сайлас мог бы укрыться и отдохнуть. Там он бы почувствовал себя в безопасности. Там он смог бы жить дальше и забыть, потому что здесь в темных углах все еще порой ощущал присутствие отца. А иногда и матери.

Сайлас посмотрел на брата. Королевская лига усердно старалась завербовать и Кристиана тоже. Теперь, когда учеба была окончена, его вступление было лишь вопросом времени. И он, сам того не сознавая, станет еще одной цепью, которую Сайласу придется разорвать.

Раздраженный от того, что Сайлас не хочет отвечать, Кристиан пнул стол, встряхнув его.

– Право же, Крис, – вздохнул Сайлас.

– Часть этого имения принадлежит мне, – голос брата стал угрожающим. – Так сказано в отцовском завещании. Я найму адвоката и не дам тебе завершить сделку.

Желудок Сайласа сжался.

– Ты этого не сделаешь.

– Ты мне не указ, *лорд* Хогвуд. – Его нос скривился, будто он учуял нечто омерзительное. – Ты не единственный наследник. Ты не...

Сайлас встал так резко, что его стул проехался ножками по паркету. Взяв гробсбух, юноша направился к двери.

– Ну так оставь себе свою часть, – сказал он. – Можешь забиться в свой бесценный коттеджик на южном конце имения и выпрашивать содержание у Королевской лиги.

Сайлас почти добрался до двери, когда кинетический импульс, задев его плечо, захлопнул ее.

Отец швырнул его в стену, выкрикивая ругательства, а язык его так заплетался, что Сайлас не мог разобрать слов. Следующий удар угодил прямо в желудок, и его стошнило.

Сайлас резко развернулся.

Кристиан опустил руку с судорожно сжатыми пальцами.

– Я не договорил.

– Еще как договорил, – зарычал Сайлас. – Ты смеешь использовать против меня отцовскую магию? Пятнадцать лет ее не ощущал.

– Я не хотел... – Кристиан махнул рукой, словно отгоняя свои же слова. Помолчал. – Что с ним на самом деле случилось, Сайлас?

Тень пробежала по его лицу.

– Что на самом деле случилось с мамой?

– Почему. Ты. Продолжаешь. Меня. Спрашивать, – выдавил Сайлас сквозь стиснутые зубы. – С чего ты решил, что я знаю? Меня там не было. Ее тело так и не нашли. Это неважно. Она все равно...

– Все равно умирала. Ты всегда так говоришь.

– А ты все равно спрашиваешь! – вскинулся Сайлас. – Это ведь ты обнаружил, что ее нет. Почему бы тебе не рассказать мне, что с ней случилось, а? Как слуга утащил ее прямо у тебя из-под носа?

– Ты всегда пытаешься обвинить меня.

– Да ты первым тыкаешь в меня пальцем!

– Ты последним ее видел! – закричал Кристиан.

– В доме, в котором работает семьдесят восемь человек, идиот! – Сайлас не часто повышал голос, но сейчас тот рикошетом отскакивал от дубовых стен. – Да и какая разница? Она упокоилась с миром. Хватит уже выкапывать мертвецов...

– Упокоилась? – Кристиан стремительно подошел к нему. – *Упокоилась?* Почему тебе знать?

Сайлас стиснул челюсти так крепко, что мог бы сломать себе зуб. Приблизившись к брату вплотную, он процедил ему прямо в лицо:

– Я. Не знаю, – и повернулся к двери.

– Ты знаешь.

Сайлас проигнорировал обвинения. Рывком распахнул дверь.

– Ты знаешь! – закричал Кристиан, и еще один кинетический удар вырвал дверь у Сайласа из рук и захлопнул ее.

– Я не знаю! – закричал Сайлас, разворачиваясь, посылая собственный кинетический всплеск. Он попал Кристиану в грудь и отшвырнул его назад, к камину.

От желудка вверх поднялась волна тошноты, и Сайлас не смог ее вовремя побороть.

Его брат врезался в каминную полку, ударившись головой о мрамор. Он осел на пол, оставив кровавый след над углями.

Секунду Сайлас просто стоял и смотрел.

Затем подбежал к брату.

– Кристиан. *Кристиан.*

Брат не отвечал. Он дышал, но не открывал глаз. Сайлас похлопал его по щекам, затем дал пощечину. Поднял веки и увидел закатившиеся глаза и расширенные зрачки.

– Пекло. – Сайлас потряс брата, но тот не отреагировал. Как же он объяснит...

Он взглянул на стол. Горс Энд. Он так долго искал это имя, а теперь брат собирается...

Если только не...

Сайлас колебался. Во рту пересохло, а ладони вспотели. По рукам и спине пробежал холодок.

Если не.

Сайлас не помнил, как принял решение. Не помнил, как использовал кинез, чтобы запечатать дверь. Идея возникла в его голове, а затем все уже претворялось в жизнь, совсем как с матерью. Некромантия, хаократия, кинез, изменение, стихия. Сайлас выпал из времени, пока его брат превращался в сморщенный предмет, по форме напоминавший арахис, а его сила перерождалась внутри Сайласа, усиливая те способности, что были у них обоих, и добавляя ту, которой Сайласу не досталось, – в то время как Сайлас родился с бабушкиными чарами провидения, а именно удачи, Кристиан унаследовал от двоюродного деда охранные чары – отражение заклинаний.

Сайлас раньше и не думал... но теперь уже слишком поздно...

Солнце село, погрузив комнату во тьму. Он уставился на брата. На то, что раньше было его братом. Замешательство, оставшееся после хаократии, рассеивалось, как пар, слишком медленно проясняя его голову.

Его сила возвращалась по капле.

Разведя огонь, Сайлас сжег одежду. Подвигал языком в пересохшем рту и призвал воду из стакана на столе, чтобы смыть кровь. Спрятал своего брата – *брата!* – за пазуху и выбежал

из кабинета, избегая слуг, проносясь по дому, по-настоящему не видя ничего вокруг, пока не спустился вниз – в винный погреб, затем к маленькой потайной дверце во второй погреб, который он сам выкопал, туда, где его мать покоилась в запертом железном ящике, вдали от любопытных рук, червей и крыс.

Сайлас стал судорожно искать ключ. Он всегда держал его при себе. Больше никто не мог найти его, воспользоваться им. Он нашарил ключ и уронил его. Подобрал, открыл ящик и опустил в него своего брата.

Своего брата.

Своего брата.

Схватившись за волосы, Сайлас упал наземь и закричал сквозь сжатые губы, не давая себе дышать. Его пульс стучал, как бешеный, кожа взмокла, конечности дрожали. Ему было слишком жарко и слишком холодно, а его брат лежал в ящике.

Сайлас встал на четвереньки, и его стошнило на холодный камень и цемент. По лицу текли слезы и сопли. Он сильно прикусил губу, пытаясь не издавать ни звука. Отчаяние, ярость, неверие. И все это время сила закручивалась и пульсировала в нем, радуясь ему, приветствуя его. Магия, которая была такой же живой, каким только что был его брат, больше не запертая в умирающем теле.

Убийца.

Его вырвало второй раз, третий, а потом Сайлас свернулся калачиком, размазывая рвоту по штанине и волосам.

* * *

Так было нужно.

Да, так было нужно, разве нет?

Он защищался. Точно так же, как защищался от отца. Он *защищался*. Остальное было случайностью. Нет, это было судьбой. Сайлас не толкал Кристиана к камину. Его толкнула судьба.

Кристиан Хогвуд был сильнее Сайласа. Он не давал ему выйти из комнаты и, еще хуже, сбежать в Ливерпуль. Следил за каждым его шагом с того самого дня, как исчезло тело матери. Кристиан командовал Сайласом, совсем как раньше это делал отец. Рано или поздно он бы причинил ему боль.

Сайлас просто ударил первым.

Теперь Горс Энд будет его без каких-либо препятствий. Он будет *их*, потому что Кристиан теперь был частью Сайласа. Совсем как мать. Они были вместе, соединены, защищали друг друга. В безопасности. Сайлас следил, чтобы они были в безопасности. И он сам тоже.

И никто теперь его не остановит. Еще пара шагов... и никто никогда больше не сможет причинить ему боль.

Больше никогда.

Утром он заявит о пропаже брата.

Глава 8

7 сентября 1846, остров Блаугдон, Род-Айленд

И бог действительно устроил так, что мужчина из видения Хюльды – которого она знала только как Флетчера – прибыл ровно в тот момент, когда последний усик солнечного света соскользнул за западный горизонт.

Поскольку под рукой не было дворецкого, а мистер Фернсби был занят, Хюльда встретила его у дверей, прижимая новый амулет к петлям. Некрасиво выйдет, если дверь захлопнется и отхватит несколько пальцев у их гостя.

Флетчер поднял фонарь.

– Здравствуйте... Вы миссис Ларкин?

– Так и есть. А вы Флетчер, но, боюсь, я не знаю вашей фамилии, мистер?..

– Портендорфер. – В свете фонаря мелькнула улыбка. – Знаю, язык сломаешь. Простите, что прибыл в столь поздний час, но письмо, которое я получил... Не было похоже, что Мерритт в хорошем настроении. Оно было... в общем, шутки там были куда ужаснее, чем обычно.

И в самом деле, во второй руке мистер Портендорфер держал чемодан. Он намеревался переночевать. Хюльда внутренне вздохнула, потому что никак не смогла бы как следует подготовить для него спальню, так же, как и для себя самой, но в такой ситуации правила этикета придется нарушить, а то и вовсе ими пренебречь.

– Нам бы пригодилась ваша помощь. Прошу, входите. – Она посмотрела на дверную раму. – Быстро.

Шагнув в сторону, она пропустила мужчину в дом. Он был примерно того же роста, что и мистер Фернсби, хотя несколько шире в плечах.

Мистер Портендорфер замер, не пройдя и двух шагов вглубь прихожей, и поднял фонарь повыше.

– А он действительно... заколдован? – спросил он. Мужчина изучал портрет. О, должно быть, тот подмигнул ему.

– Да, действительно. – Хюльда достала еще один амулет на веревочке и протянула Флетчеру. – Могу ли я предложить вам надеть его? Ненадолго, учтите. Есть побочные эффекты, которые проявляются, если носить их длительное время. Но он поможет.

Хюльда повернулась к столовой.

– И прошу, будьте осторожнее, мистер Портендорфер. Эти амулеты дорогие.

Он одними губами произнес: «Амулеты» – и повесил свой на шею.

– А теперь, если вы сообразовите помочь мне извлечь мистера Фернсби из ямы в кухне, уверена, мы оба будем весьма вам признательны.

* * *

Час был поздний, но требовалось многое сделать. Им троим предстояла длинная ночь.

Хюльда оставила мистера Фернсби и мистера Портендорфера болтать в кухне, а сама пошла установить все те амулеты, что смогла одолжить в БИХОКе, и было их не так много, как ей бы хотелось. Хюльда, по сути, усыпляла дом, усмиряла его, покуда не сможет лучше его понять. На каждую комнату амулетов ей не хватало, так что она разместила их в столовой, так некстати раскуроченной кухне, уборной, приемной и верхнем коридоре, а также в двух спаль-

нях наверху, решив первую забрать себе. Мистер Фернсби просил, чтобы мистер Портендорфер разместился с ним, и это полностью устраивало Хюльду. Пока что.

Закончив с этим делом, миссис Ларкин отнесла наверх два своих чемодана и начала распаковывать предметы первой необходимости.

– Мне ужасно жаль насчет кухни, – сказала она дому, встряхивая и вешая в шкаф свои платья. – Я удостоверюсь, что подобные зверства больше не повторятся, но была бы крайне благодарна твоему сотрудничеству.

Дом не ответил, а значит, амулеты работали.

Мистер Фернсби постучал в дверь, когда она разобрала первый чемодан.

– Я хотел... сказать спасибо за то, что вы поспешили.

Хюльда кивнула.

– Я же сказала, что управлюсь в кратчайшие сроки. А я женщина своего слова. – Миссис Ларкин взглянула на него. – А откуда вы знаете мистера Портендорфера?

– Флетчер – мой самый старый друг. – Мерритт устало оперся о дверную раму. – Мы вместе выросли в Нью-Йорке.

Она внимательно посмотрела на него. Вид был кошмарный. Грязь на руках, лице, в волосах и на одежде. Писатель выглядел совершенно измотанным, и оттого его голубые глаза в свете свечей казались еще ярче.

– Могу ли я предложить вам принять ванну и переодеться, мистер Фернсби? Вы хоть что-то с собой привезли? Ваши вещи придут лишь завтра.

Он немного ссутулился и торжественно кивнул. Прикрыв зевком кулаком, он сказал:

– Кажется, я видел ванну в кухне.

– Смотрите, как бы снова туда не свалиться. – Открыв второй чемодан, Хюльда вынула пухлую папку, набитую бумагами, и вручила ему. – Вот резюме нескольких одобренных БИХО-Ком людей, которых вы могли бы нанять. Здесь есть заявки на должности горничной, повара и управляющего.

– Управляющего? – Мистер Фернсби пролистал бумаги, все больше хмурясь с каждым новым листком.

– Да, человека, который бы занимался вопросами финансов касательно дома и земли...

– Мне не нужен управляющий. – Он подавил еще один зевок.

– Тогда начните с горничных. Я пока тут устроюсь. Я привезла несколько вещей, с помощью которых можно будет приручить дом, и намереваюсь начать работу по его диагностике рано утром.

Мерритт закрыл папку.

– То есть будете искать источник магии.

– Именно. – Обычно это было не очень сложной задачей – большинство домов не делали тайну из происхождения своих сил. Горс Энд был не так прост, потому что его прежняя магия изменилась в ее бытность экономкой, но это произошло из-за вмешательства мистера Хогвуда...

Закрыв глаза, Хюльда перенаправила свои мысли. Чем меньше она думала о Горс Энде, тем лучше было для нее, даже все эти годы спустя.

Мистер Фернсби вышел, бормоча себе под нос – или читая бумаги – на ходу. Хюльда распаковала второй чемодан быстро; у нее в этом был большой опыт. Поскольку в комнате пахло пылью, она подошла к окну и обнаружила, что его заело, хотя ей казалось, что дело в доме, а не в окне. Полностью заглушить его амулетам было не под силу.

– Тебе разве хочется пахнуть затхлостью? – спросила она, постучав по окну. – Не глупи. Позволь мне открыть его.

Когда Хюльда попыталась снова, оконная рама легко поехала вверх. Хюльда улыбнулась. Уимбрел Хаус был домом не ужасным, а просто незрелым.

– Удивительно, учитывая твой возраст, – пробормотала она, а затем положила локти на подоконник и стала смотреть на остров, веря, что дом не уронит поднятое окно ей на голову. Завтра придут ее сундуки, она забьет кладовку продуктами и всерьез займется вопросом приведения этого места в рабочее состояние.

Мимо окна пролетел рой мошканы, выписывая странные фигуры своими крохотными телами. Вниз по позвоночнику пробежал холодок, хотя Хюльда не могла точно сказать, что тому виной: ветер или провидение. Ей показалось, что где-то далеко за этим роем виднеются два золотых шара. Глаза. Она прищурилась и разглядела волчий силуэт на фоне быстро угасающих сумерек, фигуру, едва различимую в окружающих ее тенях и деревьях.

Хюльда нахмурилась. Волки не живут в этих краях, разве нет? Она ни разу не слышала воя. Сняв очки, миссис Ларкин протерла их рукавом и вернула на нос.

Волка больше не было, и Хюльда не знала, было ли это предвестием или лишь игрой теней, но выяснить наверняка не представлялось возможным.

* * *

На следующее утро Хюльда аккуратно хлопотала в кухне, готовя завтрак. Она подала его на стол еще до того, как мужчины проснулись. Когда мистер Фернсби с опаской вступил в столовую, будто та могла его сожрать, он замер.

– Я думал, вы не готовите.

Хюльда скрестила руки на груди.

– Я вполне в состоянии готовить, мистер Фернсби, но это не входит в мои должностные обязанности. Учитывая тяжелую ночь, что вам выдалась, я сочла уместным предоставить вам питание в форме бобово-гороховой каши.

Губы мистера Фернсби дрогнули.

От этого у нее дернулся глаз.

– Прошу, объясните, что в этом забавного.

– Питание, – повторил он, отодвигая стул, в тот момент, когда мистер Портендорфер вошел следом за ним.

– Спасибо вам, миссис Ларкин, – сказал тот. – Прошлым вечером я так спешил, что даже не поужинал, а эта каша пахнет восхитительно.

– Не стоит благодарностей.

Мистер Портендорфер произнес молитву, и джентльмены приступили к еде. Хюльда не смогла не ощутить некоторое самодовольство, когда брови мистера Фернсби поползли вверх.

– А ведь вкусно! Вы точно не хотите стать моей кухаркой?

– Определенно, – отрезала она.

Мистер Фернсби помедлил.

– А вы есть не будете?

– Я уже позавтракала, спасибо. Прислуге не пристало трапезничать с семейством.

Мерритт пожал плечами:

– Ну, здесь семейства вроде как нет.

– Правило есть правило, мистер Фернсби.

Он проглотил еще ложку, а потом сказал:

– Пожалуйста, зовите меня Мерритт.

– Я предпочитаю формальные обращения.

Усмехнувшись, мистер Портендорфер сказал:

– Лучше делай, как она говорит. Это дама серьезная. Смотри, как бы она от тебя не ушла.

И нечего смотреть дареному коню в зубы.

– Дареному? Да я же ей плачу.

– Мне платит БИХОК, мистер Фернсби, – поправила его Хюльда. – Вы будете выплачивать жалованье кухарке и горничной, которых наймете.

– БИХОК? – переспросил мистер Портендорфер.

– Это та бостонская организация, о которой я писал, – ответил мистер Фернсби.

Хюльда удалилась, оставив мужчин завтракать, чтобы тем временем воспользоваться своей волшебной лозой в приемной и уборной. Она не установила никаких амулетов в гостиной и прилегающем к ней зимнем саду, и темные тени клубились внутри, как будто дом бесновался от того, что его силой принуждают к порядку. Когда Хюльда приблизилась к двери, ее пруты разошлись в стороны, но этого следовало ожидать, потому что магия была сконцентрирована в этой части дома. Если ей не удастся отыскать источник силы в огражденных комнатах, придется переносить амулеты в другие помещения для более тщательного обследования.

Вернувшись в столовую, она застала мужчин за разговором.

– ... поживает очень неплохо. Очень неплохо, – рассказывал мистер Портендорфер, когда Хюльда проскользнула внутрь и стала собирать грязную посуду. – Думаю, скоро она выйдет замуж.

– Замуж? – Мистер Фернсби подался вперед. – Да ведь ей же сколько? Пятнадцать?

Мистер Портендорфер рассмеялся.

– Мерритт, ты серьезно? Ей двадцать три!

Мистер Фернсби по своему обыкновению присвистнул.

– Двадцать три. А в моих мыслях ей всегда двенадцать.

– Будучи человеком, который построил свою жизнь на собирании фактов, ты явно упускаешь самые простые. – Мистер Портендорфер взглянул в сторону Хюльды. – А вы знали, что этот человек однажды нанялся в Сталеплавильную компанию братьев Риз только лишь для того, чтобы написать достоверную историю об их противозаконных методах ведения бизнеса?

Хюльда оперлась рукой о дверной косяк.

– Я была не в курсе.

Мистер Портендорфер хлопнул в ладоши.

– Ты там четыре месяца проработал, верно?

– Только три. Это было ужасно.

– Зато руки накачал.

Хюльда перебила:

– Я намереваюсь составить днем еще один список покупок, мистер Фернсби. Нам нужно мясо: может, у вас есть какие-то предпочтения?

Мистер Фернсби медленно выдохнул – кажется, с облегчением.

– Подойдет любое, если цена приемлемая. Спасибо.

Она кивнула:

– А по части алкоголя есть предпочтения?

Тут он улыбнулся, но улыбка не соответствовала выражению его лица.

– У меня, эм, нет. То есть не нужно закупать алкоголь в расчете на меня.

– Все еще не пьешь? – спросил мистер Портендорфер.

Мистер Фернсби пожал плечами:

– Я избегаю того, что может привести к неприятностям.

Трезвость этого утверждения привлекла внимание Хюльды, а может, дело было в его выражении лица. Как будто у двух друзей был секрет, который они не решались озвучить в этих зачарованных стенах.

И пусть правила этикета соблюдались сейчас не в полной мере, они все же не нарушались столь грубо, чтобы Хюльда начала расспрашивать.

* * *

Спустя четыре дня с тех пор, как писатель унаследовал Уимбрел Хаус, и его нью-йоркская квартира была опустошена благодаря бостонскому институту, о котором он никогда и не слышал, а его вещи были перевезены на удаленный островок в заливе Наррагансетт, Мерритт достал инструменты, собранные им за последние тринадцать лет, и нерешительно вошел в кухню, которая вроде как пыталась его убить.

Хюльда разместила по углам маленькие красные мешочки – амулеты из БИХОКа. С момента их установки дом казался... домом. Тени и скрипы сводились к минимуму, покуда он не выходил за границу действия амулетов. Мерритт спал крепче, чем во все предшествующие дни. Все казалось почти нормальным.

Но вот кухня, конечно, была в безобразном состоянии. Стоя рядом, Флетчер присвистнул, как будто подслушал эту мысль и решил ее подчеркнуть.

Возможно, если убрать защиту, дом мог и сам себя починить. Мерритт не знал наверняка. А возможно, пол бы снова разверзся, затянув его и Флетчера вниз, и запер бы их навсегда, превратив погреб в могилу. От этой мысли писатель сглотнул. Ему действительно не хотелось опять оказаться в этой яме. По многим причинам. А Флетчеру нужно было возвращаться к сельскохозяйственному оптовику, на которого он работал. Неизвестно, как его работодатель отреагирует, услышав «был съеден домом» в качестве оправдания за прогул.

А тем временем пол оставался все так же проломлен, открывая дыру размером где-то с два шага в самом широком месте и с его ступню в самом узком. Края досок были расщеплены, второй шкафчик с его стороны обгорел, и дверца криво висела на петлях, возможно, попорченная водой.

Но хотя бы очаг был в порядке.

– Сперва полы? – спросил Флетчер.

Мерритт кивнул и, опасливо приблизившись, перешагнул через самую узкую часть дыры, ожидая, что пол снова вздыбится и сбросит его вниз. Дом тихонько заворчал. Он знал, что Мерритт здесь.

– Ну ладно, – его голос дрожал от неуверенности. – Я попытаюсь, хорошо?

– Ну ты же раньше чинил полы, – сказал Флетчер.

– Я говорю с домом.

Мерритт разложил инструменты на столешнице, переключив внимание на шкафчики. Он осмотрел петли. Их не заменить, если не съездить в город, но мужчина мог их подтянуть и смазать, подшлифовать дверцу снизу, чтобы лучше закрывалась.

И как раз случилось так, что грузчики, доставившие его вещи, упаковали их в два больших деревянных ящика. Возможно, ему как раз хватит материала, чтобы подлатать пол.

– Ты не принесешь те ящики? – спросил Мерритт, не отрывая глаз от разверстой пасти кухни. Ему представилось, что Флетчер молча кивнул, потому что его шаги удалились, а мгновение спустя входная дверь открылась и закрылась. Как и Хюльде, Флетчеру было дозволено приходить и уходить когда вздумается. Только Мерритту было запрещено покидать дом.

Нахмурившись, он опустил на колени – медленно, как будто очаг был быком, готовым наброситься на него. Задержав дыхание, Мерритт прикоснулся к первой сломанной доске.

Дом забурчал, как желудок дракона. Но он не дернулся, не выгнулся и не стал бросаться в него крысами.

А потому, очень осторожно, Мерритт взял пилу и принялся за дело.

* * *

Провидение Хюльды было по большей части бесполезным.

У нее было *некоторое* подобие контроля над ним, и она очень осмотрительно пользовалась этим словом. Ее чарами провидения были предсказания, или способность видеть будущее человека через узоры, которые тот создает. В случае с домом она бы хотела, чтобы чары показали ей точный момент, когда ей удастся его тайны, таким образом она бы узнала о них раньше. Но тогда бы изменилось будущее, а ее провидение редко давало ей возможность сделать что-то столь существенное. Иначе Хюльда уж точно бы им воспользовалась. До сих пор провидение лишь предупредило ее о прибытии мистера Портендорфера, о котором она и так бы скоро узнала, и о возможном присутствии волка, которое, несмотря на свою странность, едва ли имело отношение к делу.

Волшебная лоза также ничего толком не рассказала о доме, так что миссис Ларкин осторожно сняла защиту со своей спальни и установила ее в библиотеке, чтобы можно было обыскать ее. Хюльда не хотела глушить здесь чары полностью, надеясь, что, если книги снова начнут летать, она сможет прочесть в их движениях какой-то узор, который, в свою очередь, показал бы ей нечто, связанное с источником магии этого дома. Она должна была с этим справиться, ради здоровья как самого дома, так и мистера Фернсби.

Однако три четверти часа спустя Хюльда обнаружила лишь несколько интересных названий на старых корешках. Она запомнила их местоположение на будущее, хотя и без магии могла предсказать, что дом их, скорее всего, переставит задолго до того, как она соберется почитать.

Хюльда как раз собрала свои вещи, когда в дверях возник мистер Портендорфер.

– Могу ли я быть вам полезен, миссис Ларкин? Мерритт сейчас внизу, по локоть в опилках, и, учитывая нехватку инструментов, я ему только мешаю.

Хюльда замерла.

– Он занялся ремонтом? – экономка полагала, что звуки пилы и молотка – это жалобы самого дома.

Он кивнул, входя в комнату и поднимая руки, чтобы защититься от возможных летающих снарядов.

Хюльда закинула сумку на плечо.

– Уверю вас, здесь сейчас вполне безопасно, – Она посмотрела на амулеты. – По крайней мере, слишком динамично он ничего бросать не будет.

Мистер Портендорфер расслабился и обернулся, оглядев ряды книг.

– Понадобится целая жизнь, чтобы их все прочесть.

– Полагаю, это зависит от соотношения того, настолько быстро вы читаете, и того, как долго намереваетесь прожить.

Мистер Портендорфер показал на нее пальцем.

– А вы забавная.

Неужели?

– Уверю вас, это было непреднамеренно.

Он вытащил с полки книгу и подставил ее под свет фонаря Хюльды. Затем посмотрел на другую обложку, и на третью.

– Никогда таких названий не слышал.

– Я еще и малой части не просмотрела, но у многих недостает титульных листов и года издания. Они довольно старые.

– Возможно, библиотекарь в Портсмуте мог бы что-то сказать о них.

– Возможно. – Было неплохой идеей проверить некоторые из этих названий. Так она и сделает, если больше нигде не найдет подсказок.

Мистер Портендорфер улыбнулся шире.

– Знаете, в Кэтлкорне, еще когда Мерритт жил с нами, нам порой было так скучно зимой, что мы удирали в маленькую местную библиотеку, если погода позволяла. До нее было четыре с половиной мили, но прогулка стоила того, чтобы выбраться из дома. Мы притворялись, что те полки – все на свете. Монстры, горы, Британская армия... да что угодно. – Он рассмеялся. – А вот читали мы мало.

Картинка нарисовалась необычная, но не это привлекло внимание Хюльды.

– Когда мистер Фернсби жил с вами?

Веселье слегка угасло.

– О, ну...

По какой причине стал бы мистер Фернсби жить с чужой семьей? У него не было родственников?

– Вы тогда... были в школе-интернате?

Мистер Портендорфер вернул книгу на полку.

– Что-то вроде того.

Стоит отметить, что провидение не позволяло читать чужой разум, не то что психометрия, но Хюльде редко требовалась магия, чтобы распознать ложь.

– Что-то вроде того, – повторила она, возможно, слишком ровным голосом.

Мистер Портендорфер вздохнул.

– Ну, то есть мы и правда встретились в школе. Мерритт... он и его отец...

Он прервался, поднял руки, признавая поражение.

– Знаете, миссис Ларкин, не мне эту историю рассказывать. Мерритт – мой лучший друг; я бы оказал ему плохую услугу, поделившись ею, коль скоро он сам здесь и может это сделать. Но, – мужчина опустил руки, – я вас уверяю, что в мире есть лишь несколько людей лучше, чем он. У него доброе сердце. Думаю, вы двое – и кто там к вам еще присоединится – отлично поладите.

Она кивнула, и мистер Портендорфер удалился вниз по коридору в комнату Мерритта. Хюльда задержалась в дверях, задумавшись. Не так уж и странно, что мужчина – мальчик – мог какое-то время пожить в другой семье. Она могла бы подобрать для этого дюжину причин. Но вот то, как мистер Портендорфер защищал эту историю, разожгло ее любопытство.

Какие проблемы были у мистера Фернсби с его отцом? Почему он не держал в доме алкоголь? И почему унаследовал этот всеми забытый дом, оставленный гнить на острове посреди бухты Наррагансетт?

По совести, это было не ее дело. Но невмешательство в дела клиента уже однажды причинило ей боль. Не то чтобы Хюльда думала, что здесь все кончится такой же катастрофой, как в Горс Энде, но ей хотелось знать.

Похоже, источник магии этого места – не единственный секрет, который придется раскрыть Хюльде.

* * *

Мерритту требовались клей по дереву и еще гвозди, но, учитывая его ограничения, работа продвигалась неплохо.

Мерритт полдня провел на кухне, чуть не забыл поесть, измерял, отпиливал и шлифовал доски. Когда устал, занялся дверцей шкафчика, затем оттер столько гари, сколько смог, то есть почти всю – дом не позволил ему зайти со спичками слишком далеко. Один-единственный раз

он остановился, чтобы посмотреть на подоконник, сожравший шарф Скарлет, но Мерритт не хотел об этом долго думать. В данный момент он все равно ничего не мог с этим поделать.

Хюльда заходила пару раз, но ничего не говорила, просто смотрела. Флетчер тоже приходил, болтал с ним, пока он работал, заставляя его поесть. Мерритт был благодарен другу за то, что тот так быстро сорвался с места и приехал к нему на помощь. У них выработался своеобразный цикл, хотя ни тот, ни другой никогда об этом не говорили.

В течение этого дня Мерритт понемногу отодвигал прочь свою тьму, как разросшуюся кутикулу, пока снова почти не почувствовал себя собой. Флетчеру завтра утром нужно было возвращаться в Бостон к своей бухгалтерской работе, а Мерритт... Мерритт справится. С этой жизнью. С этим домом. С этими переменами. Уж что-что, а приспособливаться он умел.

Солнце уже наполовину село, когда Мерритт встал и, потянувшись, расправил спину. Ремонт был безупречен. Древесина не подходила. Часть провала все еще было видно. Но шкафчики выглядели почти нетронутыми, и никто не ломает ноги, ходя по полу, так что это был успех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.